Нечаянная невеста

Автор:
Елизавета Соболянская

Нечаянная невеста

Елизавета Соболянская

Не желая отдавать дядюшке и кузине титул и родовые земли, граф дю Боттэ женился на первой встречной и погиб, сражаясь за короля. Через год молодая вдова отправляется в столицу, чтобы искать справедливости и вдовьей доли.

Родственники, успевшие захватить поместье не желают огласки. Им проще убить скромную провинциалку, чем расстаться с нажитым, но… их ожидает сюрприз. Жак дю Боттэ оставил завещание в пользу юной супруги! Кто поможет, кто защитит ее?

Елизавета Соболянская

Нечаянная невеста

Пролог

Худая, изможденная девушка медленно шла по лесу, искореженному артиллерией. Она аккуратно обходила воронки, заглядывала во все канавы, искала хоть что-то съедобное под каждым кустом. Эту землю перепахала война, но дома ждали сестра и брат, их нужно было кормить, а ранней весной раздобыть еды можно было только в лесу.

Девушка шла довольно смело – фронт откатился дальше, тыловые службы пронеслись через деревеньку оставив в общественном амбаре два десятка раненых солдат и хромого сержанта. Раненым офицерам местный лорд предоставил свой охотничий домик и пару слуг, вот к домику Амелия и шагала. Он стоял недалеко от болота, и там можно было набрать клюквы или поискать во мху прошлогодние грибы, не съеденные лосями.

Девушка шла так долго, что даже пустая корзина стала оттягивать ей руки. Пришлось присесть передохнуть на бревно у старинной каменной часовни. Она пригрелась на солнышке, и не заметила, как задремала, а проснулась чутко, как зверь, услышав мужские голоса:

– Жак, ты будешь полным дураком, если согласишься! Твой дядя тот еще змей! Он надеется, что ты погибнешь, и оставишь титул и состояние его дочери!

– Да мне плевать, – зло усмехнулся в ответ другой голос, – Алиса сказала, что не желает меня видеть, и уже дала согласие на брак с Ричардсоном!

– Ну и пусть! Это же не повод хоронить себя или отдавать семейное достояние в руки этой алчной рыбки!

– Ты назвал Кларису акулой? – второй голос кажется, повеселел.

– Я офицер и джентльмен! – с преувеличенным пафосом сказал первый, – я никогда не назову даму таким ужасным словом!

Второй негромко посмеялся и сказал:

– Я все понимаю Флай, я же не идиот. Только в этой глуши я не найду ни одной благородной девицы, чтобы заключить брак и натянуть дядюшке и Клариссе их длинные носы.

– Можно наведаться в деревню, – предложил первый, – во время военных действий закон дозволяет жениться без позволения сюзерена. Держу пари, там найдется какая-нибудь благовоспитанная дочка священника или доктора, в крайнем случае, нищая учительница тоже подойдет!

– Фи, Флай, ты слишком приземлен! Если уж мне суждено жениться, пусть она будет прекрасной незнакомкой, тонкой и воздушной, как этот тростник на пруду! – со смехом отозвался второй.

– Ты хотел сказать – рогоз на болоте? Кто-то прогуливал уроки ботаники!

К этому времени Амелия уже сползла с камня, на котором задремала, и попыталась рвануть наутек.

– Лови ее! – позади раздался азартный голос и через минуту сильные мужские руки обхватили Амелию за талию.

– Попалась, птичка! – двое мужчин в потрепанной армейской форме рассматривали «добычу».

– Смотри, Жак, – усмехнулся тот, что был постарше, и довольно сильно подволакивал ногу. – Все, как ты хотел! Прекрасная незнакомка, тонкая, как тростник в пруду!

Второй оказался совсем молодым. Его рука покоилась в черной косынке, лоб пересекал довольно грубый шрам, но в остальном он выглядел здоровым.

– Кто ты? – спросил Жак, всматриваясь в лицо девушки.

– Амелия, – тихо ответила она, истово молясь про себя, чтобы ей ничего не сделали.

– У тебя есть родные, Амелия? – он отстранился, но не выпустил ее из рук.

– Брат и сестра, – стуча зубами от ужаса, ответила девушка.

– А родители? – теперь офицер повернулся так, чтобы его шрам скрылся под отросшими волосами.

– Погибли.

– А кем они были?

– Отец священник, а матушка принадлежала роду де Фийяр.

Мужчины переглянулись.

– Думаю, сами Светлые привели сюда эту крошку, – сказал Флай.

– Амелия, скажи, ты можешь помочь человеку избежать смертельной опасности?

– Опасности? – от неожиданного вопроса девушка растерялась.

– Я наследник титула, которым желает завладеть мой дядюшка. Перед войной я был помолвлен с одной благородной дамой, но после ранения она отказала мне и вышла замуж за другого. Дядя настаивает, чтобы я женился на его дочери. Я не люблю Кларису. Однако она готова пойти на все, только бы стать графиней. Думаю, меня перехватят у штаба и заставят жениться под надуманным предлогом. А в случае отказа я просто не доеду до места битвы. Его люди всюду присматривают за мной. Но если я женюсь на другой, я стану дядюшке не интересен. А ты сможешь устроить безбедную жизнь своим близким.

Предложение было… странным. Пугающим. Соблазнительным. В доме не осталось ни крошки еды, а пахать и сеять Амелия не умела. Она едва успела вернуться домой из пансиона благородных девиц, когда грянуло ссора с соседями, и ее родной городок оказался в самом центре раздора.

– Я согласна! – твердо сказала она, – но прошу подготовить все бумаги. Если ваш дядя так жаждет ваш титул, он пойдет на многое ради него!

Мужчины вновь переглянулись и потянули Амелию за собой – в часовню. Там в кафедре служителя нашлась бумага, перо и чернила. Сидя на разбитых скамьях, они составили брачный договор, по которому Амели Фонтен становилась супругой лорда Эммета-Жаккарда дю Боттэ, а в случае его смерти получала все его состояние и титул.

– Пропиши отдельно проживание во всех домах, – подсказывал старший товарищ, – получение доходов с земель, и титул для наследника.

– Какой наследник? – усмехнулся в ответ Жак, касаясь кончиками пальцев своего шрама, – скажи спасибо, что девочка так ослабла, что не смогла от меня убежать.

– Пропиши, – настаивал Флай, – девочка из хорошей семьи и не глупа. Пусть ее кровь продолжит род, если ты не вернешься.

– Ты прав! – Жак добавил строчку и кинул взгляд туда, где бродила по камням его будущая жена.

Амели не сидела рядом – она собирала первоцветы, чтобы составить букет невесты. Пусть на ней болтается поношенное платье, пусть волосы в беспорядке после бега – невесте положен букет, и он у нее будет!

Через час ее позвали к брачной чаше. Девушка внимательно изучила документ, добавила одну строку, и подписала. Лорд Боттэ даже смотреть не стал, что вписала невеста – подмахнул бумаги, и вместе с ней опустил руку в чашу с водой.

Клятвы зазвучали под старинными осыпающимися сводами. Мужской голос произносил их громко, четко, даже с оттенком злорадства – должно быть лорд дюБоттэ представлял реакцию дядюшки на его внезапный союз. Женский голос звучал звонко, как натянутая струна – вот-вот оборвется, или сыграет еще одну ноту?

– Все! – Флай закончил читать традиционный текст из сборника храмовых молитв и добавил: – объявляю вас мужем и женой! Можете поцеловаться!

Амели отшатнулась, хотя Жак даже не наклонился к ней. Просто усмехнулся, протянул руку:

– Пойдем, жена, познакомлю тебя с нашей компанией.

– Мне бы домой… – невнятно проговорила девушка, глядя на солнце, стоящее в зените.

– Да, ты же куда – то шла! – вспомнил офицер. – Куда же?

– На болото, – Амели подхватила свою корзинку, едва они вышли из часовни, – хотела клюкву поискать, или прошлогодние грибы. Хоть суп сварить для Иланы и Бриса.

Мужчины новым взглядом посмотрели на тонкую фигуру в слишком просторном платье.

– Тем более идем к нам, – решительно потянул ее за собой Флай, – у нас там кое-что на кухне осталось, поешь и своим возьмешь. Главное – бумаги не потеряй!

Глава 1

Амелия Фонтен, точнее Амели дю Боттэ смотрела на бумаги в своих руках и вспоминала тот день. Ее действительно привели к охотничьему домику графа. Досыта накормили жидкой горячей кашей. Ее тогда развезло, потянуло в сон, и мужчины проводили до самой деревни, поставив в корзинку горшок варева, Отделив от своих припасов немного крупы, пожелтевшего к весне сала и соли. Флай, стесняясь сунул даже несколько кусочков сахара в старом письме.

Эта крупа и каша помогли им выжить. Дотянуть до травы, первой огородной зелени и ягод. Илана и Брис тогда еле ноги таскали, но уцелели. А теперь… им некуда идти.

Тем же летом деревню прислали нового священника. Молодого, энергичного с такой же молодой и энергичной женой. Поначалу миссис Пимберли ласково отнеслась к сироткам, восхитилась их стойкостью, расспросила о местных жителях и доходах. Но выяснив, что деревня небогата, а все, что есть в доме принадлежит семье Амели, начала попрекать их каждым куском, лазить по сундукам и намекать, что они с мистером Пимберли не так богаты, чтобы содержать чужих детей. Вот когда девушка возблагодарила привычку матушки помечать монограммой все свои вещи – от нижнего белья, до столового сервиза! В противном случае, миссис Пимберли просто отобрала бы все, что принадлежало семейству Фонтен!

А уж когда священник попытался защитить их перед супругой, сказав, что Амели многое делает для местных жителей, даже бесплатно уроки ведет для девочек, миссис взвилась, и заподозрила девушку в кокетстве со служителем церкви! По селу поползли неприличные слухи, от мисс Фонтен стали шарахаться прежние хорошие знакомые.

Зиму в такой обстановке они пережили с трудом. Амели распродала почти все, что уцелело в сундуках, и поняла, что у нее не осталось выхода. Нужно ехать в столицу, искать своего нечаянного супруга, и просить его о помощи! Последнее сокровище – серебряный кубок, девушка продала трактирщику. На дилижанс нужны деньги.

Багажа с собой было мало – один маленький сундук с книгами, памятными безделушками и кое-какой одеждой, перешитой из родительской. Самой большой ценностью были вот эти самые бумаги и пачка пожелтевших писем – у матушки в столице все же были родственники, и если мужа найти не получится, придется обратиться за помощью к ним.

Последний раз окинув взглядом знакомый с детских лет пейзаж, Амели убрала бумаги в сумочку, поправила ленты шляпки и двинулась к стоянке. Там уже приплясывали от прохладного весеннего ветра Илана и Брис. Сестра очень вытянулась за зиму, ее темные глаза стали просто огромными на бледном худощавом личике. Брат, напротив, словно остановился в росте, и старательно прятал покрасневший нос в потертый отцовский шарф.

– Сейчас сядем в дилижанс, и согреемся! – пообещала им девушка, услышав цокот копыт.

– Скорее бы! – буркнул Брис. Ему только-только исполнилось восемь, но он считал себя мужчиной и защитником сестер.

Илана просто поежилась и спрятала руки в муфту. Девочке двенадцати лет хотелось быть красивой, и Амелия не стала убирать в сундук милую вещичку, пошитую, когда-то для нее самой. Отдала, обходясь перчатками домашней вязки.

Стук копыт приблизился. Заметив пассажиров, кучер натянул поводья:

– В город, барышня?

– В город!

Старик спрыгнул с облучка, и поставил сундучок на груду другого багажа. Амели отдала деньги за проезд, и втиснулась на скамью за спиной кучера. Детям пришлось сесть на узкие возвышения в центре экипажа. Неудобно, тесно, трудно держаться, но других вариантов не было. Дилижанс ехал медленно, но все же быстрее чем идущий пешком человек. В тесной коробке сидела парочка хмурых мужчин – по виду рабочих, выбиравшихся в деревню к семье, пожилая дама в черном платье, и женщина непонятного возраста, в черном капоре и сером платье.

Амели сдержала вздох. Ее собственное платье тоже было черным. Точнее бурым до черного. Война изрядно выкосила провинцию, но экономя на крепе вдовы просто красили свои повседневные платья чем придется, и продолжали носить, штопая локти и подолы. Заливаясь слезами, девушка сварила, когда-то любимое голубое платье в отваре ольховой коры. Цвет получился скорее грязным, чем черным, поэтому детские вещички она перекрашивать не стала. Нашила кое-где траурные повязки, да запаслась парой черных лент, зная, что детям пренебрежение трауром простят, а вот ей – нет.

До ближайшего городка добрались часа через четыре. Там сделали остановку, попили ледяной воды из колодца, съели по пирожку и снова забрались в дилижанс. Дорога до столицы должна была растянуться на несколько недель, но Амели понимала, что дети не выдержат непрерывной поездки, поэтому планировала маленькие остановки в тех городах, где располагались портальные станции. Увы, на портал у нее попросту не было средств. Это колдовство до сих пор было слишком дорогим и даже при наличии магических стабилизаторов требовало от мага большого умения и сил. Путешествие в дилижансе втроем, стоило дешевле, чем один переход от границы в столицу.

К вечеру дети так устали, что даже ныть и капризничать не было сил. Амели решила, что пора сделать остановку. Она попросила кучера снять их багаж, и внести в маленькую гостиницу при почтовой станции. Тут было шумно, многолюдно и довольно грязно, зато дешево и безопасно. Они сняли одну комнатку с большой кроватью, быстро умылись, проглотили какой-то невнятный суп из мясных обрезков и крупы, а потом упали и уснули. Девушке едва хватило сил пихнуть саквояж с бумагами и деньгами под кровать.

Утром, приведя себя в порядок, все трое вышли размять ноги. Сундук оставили в гостинице, узнали, когда будет следующий дилижанс, уточнили, где тут ярмарка и двинулись гулять. Амели даже нашла для младших по медячку – на леденцы.

Бродили до вечера. Измерзлись, устали, поэтому гостиничное варево проглотили, не присматриваясь и снова упали на кровать. В пять утра их уже разбудила местная прислуга, выдала стакан кипятка с куском хлеба и показала на стоящий у выхода дилижанс. Упав на лавку, путешественники всеми силами старались погрузиться в дрему, чтобы не видеть однообразные, унылые пейзажи за грязным стеклом кареты. На остановках перекусывали, разминали ноги, и ехали дальше, до тех пор, пока Илана не начинала плакать во сне. Тогда снимали номер, грелись, спали, ели горячее, чтобы через день-два вновь умоститься на жесткой скамье дилижанса.

Примерно в таком режиме Амели и дети ехали целый месяц. Постепенно серая хмарь сменилась ласковым солнцем, а на обочинах расцвели подснежники, когда самый новый и удобный из всех виденных ими дилижансов въехал наконец в столицу.

Глава 2

Даже окраина столицы ошеломила провинциалов. Здесь было шумно, грязно, ярко и…сытно. На каждом углу продавались горячие пироги, сбитень, бульон или морс. Возле станции дилижансов толпились люди, толкались, зазывали, кричали. Здесь практически не было траурных одежд – видимо столицу не коснулись нападения странных крылатых людей из соседнего королевства. Впрочем – люди ли они?

Амели с каменным лицом попросила служащего отнести сундук в гостиницу, и сжалась, услышав, сколько будет стоить одна ночь в номере на троих с ужином и мытьем в общей купальне на этаже. На эти деньги в провинции они бы неплохо прожили месяц. Или не слишком хорошо – два. И к тому же это были практически последние их средства. Недрогнувшей рукой девушка внесла оплату, и заметив у конторки кипу старых газет попросила их почитать.

– Да берите, барышня, – махнул рукой портье, – это хозяйка принесла у дверей стелить, чтобы господа обувь свою ставили, для чистки. Полы не портили. У меня еще есть. А как прочтете сюда вот в ящик положите.

– Спасибо вам! – искренне сказала девушка.

Она подхватила тяжелую пачку бумаги, и вместе с Иланой и Брисом поднялась на третий этаж, в маленький «спальный» номер, в котором была, собственно, только кровать, стол и место для их сундука.

Пока дети мылись, девушка успела просмотреть газеты, и выяснить, что они как раз годичной давности. Война, которая уничтожила их прежнюю жизнь в столичных изданиях называлась «пограничной стычкой». Потери упоминались вскользь, зато долго и подробно расписывалось триумфальное возвращение наследного принца «после победы над мерзкими гангутами». Правда списки некрологов подсказывали что «мелкая стычка» была не такой уж мелкой, но кто их читает эти некрологи, кроме древних стариков, да тех, кто проводил на войну близких?

Амели быстро отыскала газеты со дня своего брака и дальше. Перебрала, обращая внимание на некрологи и с комком в горле прочитала: «Скорбим. Граф Эммет-Жаккард дю Боттэ, погиб в стычке с гангутами, прикрывая отход своей части. Честь и слава! Посмертно награжден орденом». Больше ничего. Никаких упоминаний о свадьбе, титуле и владениях.

Поискав еще немного, Амелия нашла упоминание о Клариссе дю Боттэ, ставшей украшением балов сезона. А также смутное упоминание о возвращении к началу сезона виконта Флайверстоуна. По словам журналиста, благородный лорд получил ранение во время «пограничной стычки», и теперь является на балы с тростью, пугая дам своим мрачным видом, точно герой готического романа. К этой заметке прилагалась литография довольно плохого качества, но Амели смогла узнать того самого «Флая», который провел церемонию для нее и графа дю Боттэ.

Больше ничего полезного девушка не нашла, зато пришел ее черед мыться и ужинать. Если к рассвету она не придумает, как ей найти родню супруга, придется ехать к тетке со стороны матери, благо адрес имелся, и просить о приюте, хотя бы на первое время.

Впрочем, уже в неопрятной серой мыльне девушке пришло в голову, что она не сможет просто так, с улицы зайти в дом дю Боттэ и предъявить бумаги. Их могут просто отобрать и сжечь. Нужно сначала найти нотариуса, подтвердить подлинность бумаг, сделать копии, а потом уже доказывать свое право на вдовью часть и все, что указано в брачном контракте.

Значит сначала к тетке, потом поиск работы – нотариус стоит денег, а уж потом претензии к наследникам семьи дю Боттэ. Ради себя Амели не пошла бы на такую авантюру, но у Бриса проявился огненный дар. Его надо учить, чтобы он не выгорел, а Илане пора уже посещать школу для девочек, чтобы приобрести знания и умения, положенные благородной девушке. И на это все тоже нужны деньги, или хотя бы связи.

Когда принесли ужин – жидкий суп, небольшие котлетки с овощным рагу и компот, девушка подождала, пока младшие наелись и рассказала им свой план. Поиск родственников и работы сестру и брата не вдохновил, но дети уже достаточно повидали, чтобы понимать, как важно учится и чем грязная работа отличается от чистой, поэтому возражать не стали – помолились Светлым и легли спать.

Утром, когда шум за окном разбудил их, Амалия встала первой, привела себя в порядок, и наказала детям ждать ее.

– Если придут и скажут освободить номер, попросите снести сундук вниз, и подождите меня у крыльца. Я постараюсь вернуться, как можно быстрее! – сказала она и поспешила выйти на улицу.

Уже светало. Показав извозчику конверт с адресом тетки, Амели узнала, что проезд до нее обойдется в пять медяков, и вздохнув согласилась.

Ехать пришлось не далеко. Сестра матери жила в простом районе, где дома часто делились на два хозяина и почти не имели прилегающей территории – так, дровяной сарай поставить, или конюшню на одну лошадь. Весна еще не укрыла улицу зеленью, поэтому заметны были покосившиеся крылечки, слетевшая от зимних бурь черепица, и пустые горшки с торчащими ветками гераней. Вид был унылым и небогатым, но выбирать не приходилось.

Договорившись с возницей, что он несколько минут подождет ее у крыльца – вдруг тетушка не примет внезапно свалившуюся на голову племянницу? Амелия постучала в двери. Ей открыла служанка в грубом коричневом платье и простом холщовом переднике:

– Что угодно? – тускло спросила она, пряча под передник натруженные красные руки.

– Госпожу Парис, – вежливо ответила Амели, – скажите, что ее желает видеть племянница. Мисс Амели Фонтен.

Служанка прикрыла дверь и ушла. Вернулась она не одна. На пороге появилась сухопарая дама в черном платье с белым воротничком.

– Амелия? – строгим тоном спросила она, – что привело тебя ко мне?

– Если позволите войти, тетя, я все расскажу! – вежливо ответила девушка, готовясь развернуться и уйти. Она уже поняла, что трое нахлебников здесь лишние.

– Входи! – к ее удивлению, сказала женщина и отступила в глубину коридора.

Девушка вошла и поняла, что неприглядный внешний вид скрывал довольно уютный и удобный, а главное теплый дом! После коварных весенних ветров и долгого путешествия аромат свежей выпечки и кофе пленял.

Следом за чопорной дамой, Амели прошла в гостиную, отдала служанке плащ, шляпку и перчатки, присела в широкое потертое кресло, взяла в руки чашечку кофе и… не заметила, как рассказала тетушке практически все! С трудом удержала только новость о своем замужестве.

– Значит, вы приехали сюда, потому что вас просто выжили, – тетушка сидела с каменным лицом, и спокойно рассуждала. – Первое время я смогу вам помочь, а потом выйдешь замуж, устроишь детей в школы, и все будет хорошо.

Амелия выдохнула. За время затянувшегося кофеепития тетя Сибилла успела рассказать ей, что овдовела чуть больше года назад. Ее муж был много старше,

да еще провел молодость в походах, вот и не долго прожил в отставке.

– Хорошо, что мы успели купить дом, – так же ровно и спокойно рассказывала она. – Стефану год до выпуска из военной академии. У нас нет денег и связей, так что распределят его в какой-нибудь дальний гарнизон, а с вами я не заскучаю.

После беседы госпожа Парис велела служанке отыскать извозчика, и вместе с Амелией поехать за детьми.

– Я могу и сама, тетя, – попыталась отказаться девушка.

– Привыкай, – строго сказала ей она, – здесь в городе молодая девушка без компаньонки или мужчины легкая добыча!

– Спасибо! – искренне сказала Амели, садясь в коляску.

Глава 3

Дети, как встопорщенные воробушки сидели на сундуке возле гостиницы, и завидев Амели радостно бросились ей навстречу. Девушка обняла их, попросила прощения, что задержалась и с помощью крепкой служанки погрузила их скромный багаж в экипаж.

К домику тетушки ехали с хорошим настроением. Брис вместе с Иланой рассматривал город, спешащих людей и разносчиков. Вдалеке виднелись шпили королевского дворца, и Амелия пообещала брату и сестре, что когда-нибудь они непременно сходят погулять к решетке дворцового парка и, может быть, даже увидят самого короля!

Внутри девушка тряслась, как заячий хвост – что, если тетушка уже передумала? Вдруг она увидит детей и решит, что слишком стара для таких волнений? Или ей просто не понравятся Илана и Брис? Но внешне Амелия оставалась безмятежной и только слишком громкие и подробные объяснения выдавали ее тревогу.

Тетушка встретила их у дверей. Поздоровались, познакомились, и двинулись смотреть комнату, которую им могли предоставить. Это была обычная гостевая комната с большой кроватью, столиком для умывания и комодом. С первого взгляда она мало чем отличалась от тех гостиничных номеров, в которых сестры и брат Фонтен побывали за время путешествия.

– Здесь есть чистое белье, – тетушка кивнула на комод, и полотенца. Купальня и прачечная у нас внизу, в пристройке. Под кроватью есть кушетка, думаю она подойдет мальчику.

– Спасибо, тетя Сибилла, – Амели постаралась улыбнуться.

– Умывайтесь с дороги, устраивайтесь и приходите завтракать, – распорядилась тетушка и вышла.

– Мелли! – впечатлительная Илана прижалась к сестре.

– Все хорошо! – постаралась ее утешить старшая, – давайте умоемся, поправим прически и спустимся вниз.

Брис предпочел молчать.

На завтрак служанка подала кашу, немного патоки, и травяной чай с булочками. Дети поели, согрелись, их щечки раскраснелись и Амели поняла – они вот-вот начнут шуметь, захотят побегать, и просто изучить новую территорию.

– Тетя, – спросила девушка, – поблизости есть какой-нибудь парк? Илане и Брису полезно прогуляться!

– Да, вверх по улице есть общественный парк, – сказала тетушка, – раз уж вы собрались гулять, зайди в лавку, Амели, нужно кое-что купить для кухни.

Список покупок оказался внушительным. Мыло, крупа, патока, масло, Служанка вручила гостье объемную корзину, а вот денег тетя не предложила. Амели сдержала вздох. Ожидаемо. Их не просят платить за дорогое столичное жилье, но и кормить даром не собираются. Нужно срочно искать работу и бесплатную школу на первое время.

Она знала, что в любом городе есть магическая школа. Туда с радостью примут Бриса – магически одаренный ребенок будет обласкан, и даже получит небольшую стипендию от короля или храма. Учить будут хорошо, а лет в пятнадцать начнут уговаривать пойти на службу. Если школа храмовая – то в храм, если королевская – то мелким чиновников в одно из многочисленных ведомств. В любом случае брат не пропадет, да и мал он пока для серьезной учебы. Вот через два года его уже могут взять в королевскую военную школу или закрытый лицей.

А с Иланой сложнее. Она не маг. Хотя их матушка принадлежала к аристократическому роду, как и тетя Сибилла. Но все же дети Иланы могут стать магами. Нужно лишь дать сестре приличное образование, и подыскать в мужья хотя бы офицера. И для того, и для другого нужны деньги. Школы для юных мисс стоят немало, но даже если найдется желающий похлопотать за сироту, участь бесприданницы печальна.

О себе Амели не думала – она успела получить образование в пансионе, и даже приобрести профессию. Ее скромные магические способности позволяли ей быть безупречным… каллиграфом. Для девушки из благородной семьи это умение было достойным и благородным. Ее даже научили копировать миниатюры из старинных храмовых трактатов, наносить позолоту на переплеты и заглавные буквы, а также рисовать и вышивать удивительные розетки, цветы и сказочных чудовищ для украшения папок или книжных футляров.

Даже в охватившей их дом нищете Амелия сохранила все свои инструменты, несколько качественных перьев и кистей, флакончики с разноцветными чернилами и даже три-четыре стопы хорошей бумаги. Она любила писать. Когда рука замирала над безупречным листом, для нее начиналась магия.

Отец-священник очень любил храм, в котором служил и мечтал, чтобы его дети остались жить в их скромном доме. Для этого он постарался развить в них полезные для церкви навыки и привычки. Амелия рано проявила свои способности и ее готовили в переписчицы старинных трактатов. Брису предстояло занять место отца, когда мистер Фонтен постареет. А Илане была уготована роль достойной жены и матери, кроткой и послушной. И до той самой «пограничной стычки» планы мистера Фонтена казались исполнимыми.

Тогда в их доме были кухарка, прачка и горничная. Миссис Фонтен занималась воспитанием детей, цветами в саду, и пением в храме. Мистер Фонтен вел службы, навещал прихожан, а в свободное время неплохо резал по дереву, и собственноручно украсил скамьи и двери в церкви и в доме.

Внезапное нападение гангутов застало жителей деревни врасплох. Люди готовились к празднику перелома зимы, и не ожидали того, что случилось после. Волна солдат в черных мундирах с алыми кантами затопила деревушку за несколько минут. Многие жители погибли, не успев осознать, что произошло. Их дома и амбары были разграблены, а уцелевшие – сожжены. Дом священника и храм избежали огня, потому что стояли в стороне от прочих жилых домов, на холме. Туда просто поленились нести факел.

Амели и детям повезло – они были в маленьком садовом домике, украшали его к празднику, предвкушая, как через несколько дней будут украшать «большой дом». Когда раздался шум, Амелия первая выглянула в окно и… предложила младшим поиграть в тихих мышек. Они забились под стол и скамейки, и затихли. До садового домика солдаты не дошли. Храм тоже не тронули. В доме многое перевернули, порвали, опрокинули, но как-то походя. Не тронули даже сундук с матушкиным приданым, зато не поленились разворошить амбар и вывезти все зерно.

Кто же знал, что у миссис Фонтен слабое сердце? Увидев пламя в саду, она решила, что дети погибли, и умерла на месте. Мистер Фонтен продержался две недели. Похоронил жену, совершил поминальные службы по всем погибшим односельчанам, нашел доброе слово для каждого кроме…себя. Едва гангуты убрались, и люди начали понемногу восстанавливать дома, мистер Фонтен полюбил сидеть напротив кресла жены, не замечая, что по лицу текут слезы.

Таким вот – заплаканным, сидящим в кресле его и нашли однажды утром. Амели потом долго ругала себя. Ей не следовало брать на себя заботу о младших, нужно было теребить отца, требовать участия в ежедневной жизни семьи, но тогда девушка решила, что может взять на себя эту обузу, чтобы мистер Фонтен скорее пришел в себя. А он ушел вслед за любимой женой, сообразив, что за младшими может присмотреть Амели.

Глава 4

Стряхнув болезненные воспоминания, Амели вывела младших на крыльцо, повторила для них вслух адрес, и неспешно пошла с детьми вверх по улице, рассматривая все вокруг. Бакалейная лавочка попалась им по дороге, но девушка разумно решила сделать покупки на обратном пути. Незачем бродить по улице с тяжелой корзиной.

Дети веселились, дергали сестру, показывая интересные здания, вывески и нарядно одетых, совсем не по-деревенски людей. Амели старательно улыбалась, кивала, но не поддерживала разговор. Ее мучила необходимость как можно быстрее найти работу. Тетушка не должна содержать троих родственников, свалившихся на нее, как снег на голову. Довольно того, что она предоставила им недешевое столичное жилье. Но где и как она может приложить свои умения?

Дать объявления о переписке черновиков? Так нужно иметь рекомендации, искать клиентов. Подписывать визитки и карточки в типографии? Тоже нужны связи, юную мисс с улицы не возьмут. Поискать место учительницы или гувернантки? Диплом «школы юных мисс» давал право на такую деятельность, но с кем останутся дети? Амели не вправе вешать их на шею престарелой тетке!

Думая обо всем этом, девушка старательно рассматривала доски объявлений, купила газету за два медяка и сунула в корзину, чтобы изучить объявления позже. Даже присмотрелась к детям, гуляющим в парке с нянями и боннами – может все же попробовать? Илане и Брису между тем надоело гулять просто так и они потянули сестру на детскую площадку.

В этом парке все было устроено разумно и по возрасту. Для совсем маленьких детей, гуляющих в колясках, была устроена кольцевая аллея, обставленная скамейками. Нянюшки катали по ней малышей, останавливались, присаживались, болтали. Тихий уголок давал младенцам возможность выспаться на свежем воздухе.

Рядом располагался засыпанный песком круг, отгороженный плотной веревочной сеткой. Тут лепили куличики дети постарше. Для остальных была большая площадка полная снарядов для развития тела и даже немного для ума. Амели первая увидела отличную графитовую доску в тяжелой деревянной раме и целую груду разноцветных мелков в коробочке. На доске висела табличка, что это дар городу и парку от купца, чьи дети любили тут гулять.

– Илана, Брис, смотрите! Здесь можно порисовать! – Амели позвала младших, а у самой пальцы зудели – как давно она не имела возможности сделать что-то для удовольствия!

Пока младшие нехотя карябали домики и кошек, Амели нарисовала свернувшегося огнедышащего дракона, изображающего букву «О». Бросив мелки в коробочку, девушка чуть отстранилась, отряхнула пальцы, потом подумала, взяла мелок и дописала слово «Огонь» самым четким старинным шрифтом, каким умела. Потом вынула из кармана платок, чтобы стряхнуть мел с пальцев и услышала за спиной громкий разговор:

– А я тебе говорю, что этот косорукий нахал испортил заказ графини! Триста приглашений! Триста! Брось все и найди мне специалиста, Марек, или я тебя уволю!

– Но дядя! Где я вам найду каллиграфа за одну ночь!

– Ничего не знаю! Если к четвергу мы не изготовим триста уникальных приглашений, и потеряем заказ, я тебя не просто уволю, я тебя на части разорву!

Амели с интересом обернулась и увидела кругленького невысокого человечка, буквально напрыгивающего на высокого худощавого юношу, одетого, как небогатый клерк.

– Господа, – вежливо кашлянув она привлекла их внимание, – я невольно услышала, что вы ищете каллиграфа?

– Какое вам дело до этого, барышня? – огрызнулся коротышка, вынимая огромный клетчатый платок, и утирая им пот со лба. – Идите уже куда шли! Не мешайте мне порвать это длинноногое ничтожество на кусочки!

– Дело в том, сударь, – пряча улыбку сказала Амели, – что я каллиграф. С дипломом.

– Видели мы таких каллиграфов! – снова буркнул коротышка, и отвернулся, а вот молодой человек явно разглядел то, что Амели написала на доске.

– Позвольте представиться, мисс, – вежливо улыбнулся он, – Марек Четвертинский. Простите моего дядю, ему не видно то, что вы написали.

– Мисс Амели Фонтен, – так же вежливо улыбнулась в ответ девушка, открывая доску взглядам мужчин.

– Это вы? – коротышка подпрыгнул на месте и подбежал к доске. – Это правда написали вы? А еще можете?

– Это я. Да, могу, я же каллиграф с дипломом.

– Напишите вот тут! – толстячок ткнул пальцем в свободное пространство доски: Марк Четвертинский!

Амели постаралась. Взяла сразу два мелка – одним тщательно вывела имя и фамилию, строгим полууставом, вторым подчеркнула некоторые линии и схулиганила – изобразила над последней буквой крохотную корону.

– Вот! А ты спрашивал, где найти каллиграфа! – расцвел обаятельнейшей улыбкой толстячок и ткнул молодого человека локтем в бок: – улыбайся и договаривайся с девушкой! Триста приглашений! Триста!

Наверное, дядюшка Марека Четвертинского полагал, что молодой человек будет улыбаться, целовать ручки и тем убедит Амелию подписать приглашения бесплатно. Что может быть проще, чем задурить голову наивной провинциалке в потертой траурной шляпке? Однако за долгое время в пути, девушка научилась не только искать работу, но и требовать за нее плату.

Да поначалу с ней норовили рассчитаться тарелкой супа, за тщательно переписанное меню. Потом предлагали пару кругов колбасы, за красивую вывеску, на которую ушло почти два дня работы. Но после четвертого или пятого случая Амели научилась требовать монеты, заключать договоры и не опасаясь звать полицию или взывать к храмовому правосудию. Потому что желающих нажиться на юной девушке находилось предостаточно!

– Прекрасная мисс Фонтен, вы же не откажетесь немного выручить нас? К сожалению, постоянный работник подвел дядю, испортил почти две дюжины

карточек и ушел гхм, в общем он заболел.

Амели потупилась, чтобы скрыть смех в глазах. Частая «болезнь» у работников-мужчин. Для них выписывание «финтифлюшек» казалось чем-то оскорбительным. Мало кто осознавал, сколько денег знать готова была тратить на эти «мелочи». Красиво подписанная карточка или приглашение означали стабильность, богатство, знатность… Небрежные строки на дешевой бумаге напротив могли предвещать падение семьи, утрату доверия или денег.

– Я уяснила ваши сложности, мистер Четвертинский…

– О, зовите меня Марек! – молодой человек изящно склонился над рукой девушки, – мистер Четвертинский – это мой дядя.

– Марек, – мягко улыбнулась Амели, вспоминая подозрительную потертость на курточке брата. Новая обойдется в пятьдесят монет, а еще хорошо бы купить новые туфельки для Иланы… – Сколько вы готовы заплатить за срочное написание трехсот приглашений? Самым изящным почерком?

– Мисс Фонтен, разве в деньгах дело? – молодой человек попытался придать руку девушки к своему боку, превращая вежливый жест в полуобъятие.

– Именно в деньгах, мистер Четвертинский, – Амели выдернула ладонь и отошла в сторону. – Или вы платите мне двадцать пять монет аванса и столько же по завершении работы, или ищите себе каллиграфа в другом месте!

– Что? Двадцать пять монет! Побойтесь Светлых, девушка, это грабеж! Да накарябать по пять строчек на куске картона сможет любой студент!

– Сможет, – прищурилась Амели, вспоминая, сколько часов просидела именно над «аристократическими» завитушками.

Для храмовых книг требовался совсем другой стиль письма – строгий, угловатый, разборчивый. Но ее учитель считал, что хороший каллиграф умеет все! Он даже приносил ей клочки пергамента из музея, и заставлял повторять странные и непонятные знаки. Выкупал у редких путешественников книги на незнакомых языках, а однажды вообще купил хм, ночной горшок, украшенный

странными значками и с восторгом рассматривал их, выбирая кисть, которой можно повторить такие интересные линии!

– Нацарапать. И оскорбленная графиня больше никогда не сделает заказ у вас.

– Да вы меня без ножа режете! Как я смогу прокормить своих шестерых детей, если буду платить по двадцать пять монет за один заказ?

– Весь заказ обойдется вам в пятьдесят монет, – скрупулезно уточнила девушка, – и эти деньги нужны мне, чтобы прокормить моих детей!

Услышав ее слова насупившийся Брис и хмурая Илана подошли ближе и уставились на толстячка.

– Ладно-ладно, я понял! – всплеснул короткими пухлыми ручками мистер Четвертинский, – но за пятьдесят монет вы подпишите еще и конверты!

– Если кто-то из ваших служащих будет мне диктовать! – сразу выставила условие Амели.

Ей случалось помогать почтарю, и она знала, что именно под диктовку писать получается быстрее.

– Марек! – снова театрально воскликнул толстячок, – ты нанял эту барышню, ты и возись с ней!

– Сначала договор! – строго сказала Амелия, крепко сжав руки в складках юбки.

Удача, причем невероятная! Она думала, что придется неделями оббивать пороги контор, читать объявления или расспрашивать соседей, но сами Светлые подарили ей возможность!

– Какая… шустрая девушка! – мистер Четвертинский подпрыгнул на месте, осмотрел Амели с ног до головы и сказал: – женись, племянник! Дешевле обойдется!

Племянник усмехнулся и предложил Амелии локоть:

– Прошу вас, мисс, договор можно заключать в устной форме, если есть свидетели и сумма не превышает ста монет. Полагаю эти милые дамы, – тут он кивнул головой на нянек, с любопытством глядящих в их сторону, – подтвердят, мои слова.

Девушка хмуро взглянула на молодого человека. Словам она доверяла… слабо.

– Хорошо, хорошо! Сейчас!

Присев на скамью, Марек вынул из недр своего пальто свернутый лист бумаги и карандаш. Записав условия договора, он дал его проверить Амелии, показал дяде, потом подозвал двух нянюшек, и объяснил, что он только что написал и зачем. Те покивали, прыснули, когда он попросил их стать свидетельницами, но согласились посмотреть, как «две договаривающиеся стороны» подпишут бумагу.

– Вы юрист? – услышав формулировку уточнила Амелия.

– Нет, – улыбнулся молодой человек, – просто привык составлять договоры для нашей конторы. Благородные лорды порой не прочь сэкономить, и заказать визитки, а потом не хотят платить.

Девушка покивала, а Марек продолжил:

– Пойдемте, я покажу вам нашу контору и ваше рабочее место. Срок исполнения заказа наступает через три дня. Придется спешить.

– Мне нужно отвести детей домой, – покачала головой девушка, – и зайти в лавку. Тетя просила купить кое-что для дома.

Видимо господам Четвертинским ОЧЕНЬ нужен был каллиграф, потому что под нервные причитания старшего мистера Четвертинского их всех усадили в коляску, довезли до бакалеи, а потом до дома тетушки. Там Амелия коротко объяснила родственнице, что нашла работу переписчицы, взяла свой саквояж с инструментами, поцеловала младших и пряча дрожь вышла на крыльцо. Тетушка наблюдала из окна, как Марек подсаживает ее племянницу в коляску и кажется не собиралась скандалить.

Глава 5

Контора располагалась в узком двухэтажном здании. Нарядный фасад из красного кирпича украшала позолоченная вывеска, окна сияли, на двери блестел начищенный медный молоток. А позади пряталось простое как кирпич здание типографии – серое, тусклое, и практически лишенное окон. Оттуда доносился гул печатных станков, крики наборщиков и стук молотков, выбивающих литеры из болванки.

Амелию быстро провели через маленький, но нарядный холл, в простецкий кабинет. Тут были стол с чернильным прибором, потертый стул, этажерка с картонными коробочками, отмеченными красиво выписанными буквами, и лампа с зеркальным отражателем. Вот лампа девушку порадовала – она говорила о том, что тут работал каллиграф, умеющий ценить правильное освещение.

– Вот ваше рабочее место, – Марек быстро выдвинул стул. – Вот заказ и образцы.

Молодой мистер Четвтертинский снял с этажерки коробку с буквой «Б», а из нее извлек папку со списком гостей и адресов. В коробке у стола нашлись продолговатые карточки снежно-белой бумаги. Весьма плотной и качественной. Амели не часто доводилось писать на такой, но девушка не стала спешить. Она уже заметила в корзине под столом обрывки точно таких же карточек.

– Сначала мне нужно зажечь лампу, проверить перья и чернила, рассмотреть образцы, вымыть руки, и только после этого я буду готова к работе, – сказала она, снимая плащ.

– Прошу! Здесь в коридоре есть небольшая умывальня для служащих, – довольная улыбка работодателя показала Амелии, что это был своеобразный экзамен.

Тщательно отмывая ладони простым серым мылом, девушка признала ход изящным. Диплом можно и подделать, а вот привычка всех обученных специалистов мыть руки, чтобы не оставлять пятен вбита учителями буквально в кровь!

Закончив с водными процедурами, Амели тщательно просушила пальцы, подвернула манжеты платья, проверила, как лежат волосы и взялась за чернильный прибор. Чернила были неплохие, и даже нескольких цветов. Перья… несколько отличались от тех, к которым привыкла сама Амели, и к тому же были грязноватыми. Возиться с чисткой девушка не стала – помнила, что времени мало. Поэтому она просто вынула из своего саквояжа пенал с самым ходовым набором и разложила его на кусочке фланели.

– Нужна кожаная подложка для карточек и место для просушки. Конверты будем подписывать сразу?

– Так будет проще, – решил Марек, – и быстрее. А подложка лежит вот здесь – он выдвинул незаметный ящик, расположенный под столешницей и Амели обрадовалась.

Здесь видимо неведомый каллиграф и хранил свои сокровища, а то, что стояло на столе предназначалось для любителей схватить чужое. Кроме кожаной подложки, в тайном ящике нашлись запасы отличной промокательной бумаги, запасные ручки из пера орла, из кости, из рога, из черного дерева! Амели восторженно погладила чужие сокровища, но взяла только подложку и промокашку.

– Диктуйте, господин Марек, – сказала девушка, оперев на подставку для чернил карточки-образцы.

– Ее Светлость графиня дю Боттэ приглашает виконта Флайверстоуна на поминальный ужин, посвященный памяти героев, погибших в битвах с гангутами. Траурные ленты обязательны.

Амелия закусила губу и тщательно вывела первую букву…

Тщательно подписав приглашение, девушка промокнула карточку промокашкой, и взялась за конверт. Адрес виконта, адрес графини, промокнуть свежей стороной промокашки и… ах, какая неприятность! Белоснежный впитывающий листочек улетел на пол! Ойкнув, Амелия подняла испорченную промокашку и положила рядом – вытирать излишки чернил с пера. Работа двинулась дальше.

Имена, фамилии, титулы, изящные виньетки и закорючки. Когда живот подвело от голода, мистер Марек положил список на стол, сделал пометку карандашом и жалобно проговорил:

– Мисс Фонтен, я больше не могу, в горле пересохло! Приглашаю вас выпить чаю с печеньем!

– С удовольствием, мистер Четвертинский! – устало отозвалась Амелия, – мы выйдем из конторы?

Вопрос был не праздным – надевать ли шляпку и пальто? Отмывать ли пальцы от чернильных пятен?

– О, нет, у нас есть очень уютная буфетная, и пока вы приведете себя в порядок, я распоряжусь приготовить чай!

Амелия от души поблагодарила молодого человека. Ей действительно нужно было посетить умывальную комнату для сотрудников, но сделать это в присутствии молодого мужчины ей казалось верхом неприличия.

Поправив прическу, и частично отмыв чернила, Амелия вышла в холл, и была встречена недовольно бурчащим мистером Четвертинским-старшим.

– Ходят, чаи гоняют, а работать кто будет?

Этот тон Амелии был хорошо знаком. Именно так бурчала себе под нос миссис Пимберли, когда молодая супруга священника хотела прогнать Амелию с кухни, чтобы не делить с ней и детьми кусок пирога или сухое печенье.

– Если я упаду в голодный обморок, мистер Четвертинский, – вам придется лично подписывать приглашения! – довольно дерзко ответила Амелия.

К удивлению девушки, дядюшка Марека только хмыкнул и буркнул:

– Нет, пожалуй, жениться не стоит, слишком самостоятельная!

Амели не обратила внимание на эти слова. Ее заинтересовал звон чашек. В маленькой комнатке с окном, выходящим во внутренний двор, пожилая женщина в длинном фартуке накрывала небольшой столик. Чайник, чашки, тарелка простых бутербродов с хлебом и сыром, печенье с коринкой, и желтый масляный кекс! Девушка сглотнула и потупилась, чувствуя, как неприлично сейчас выглядит.

– Мисс Фонтен! – Марек Четвертинский появился с другой стороны холла, кажется, он тоже причесался и сменил шейный платок. – Пойдемте, прошу вас! Пора подкрепить силы! Мы неплохо поработали, самое время для чая!

Они присели к столу и съели все до крошки! И выпили весь чай! Поначалу Амели страшно стеснялась своего аппетита, но Марек серьезно сказал ей, что не может позволить столь нужному работнику упасть без сил, и предложил брать одинаковое количество бутербродов и печенья, чтобы никто не считал себя обжорой.

– А если что-то останется, – молодой человек понизил голос, словно раскрывал страааашную тайну, – скормим Пончику! Это наш кот. Он страшно не любит, когда что-то остается на тарелках, и сразу безжалостно уничтожает любые остатки!

Так, где шуткой, а где серьезностью молодой Четвертинский убедил Амелию плотно поесть, потом размять ноги прогулкой в холле, и только потом вернуться к письменному столу.

– А вы неплохо знаете нужды каллиграфов, – заметила Амелия, устраиваясь на стуле, – неужели никогда не желали учиться сами?

Марек грустно улыбнулся, выудил из тумбы стола кожаную подушку, чтобы подложить под спину девушки и объяснил:

– Меня всегда завораживало это искусство, и я хотел учится. Дядюшка даже дал добро и привел меня к своему старому знакомцу, чтобы тот позанимался со мной во время каникул. Но оказалось, что это искусство – оно сродни музыке, или умению писать стихи. Для него нужен талант, некоторые физические данные и склонности, а не просто желание. Каллиграфом я не стал, но научился ценить мастеров.

Амелия улыбнулась, вспоминая. Она тоже училась у мастера. Их класс был до смешного мал – всего пять учеников разного возраста. Можно было, конечно, сказать, что в провинции и не нужно столько каллиграфов, но учитель руководствовался какими-то своими правилами набора учеников. Амелию он увидел на выходе девочек из пансиона во время храмового праздника. Сам пришел к начальнице и сообщил, что желает учить одну из пансионерок. Миссис Гроув обрадовалась, думая, что известный мастер Олди будет давать уроки всем девочкам, но он уточнил, что будет учить только мисс Фонтен.

Когда Амелия закончила пансион, мастер велел ей задержаться в городе еще на год, и даже поселил у себя в доме. Никто не возражал, во-первых, мастер Олди был уже не молод, во-вторых, с ним проживала матушка и две незамужние сестры. У них была своя половина дома с отдельным входом, и каждое утро Амелия торжественно спускалась с крыльца «женской» половины, и обойдя дом через улицу, заходила в «мужскую» часть дома, туда, где жил мастер и его ученики-мужчины.

Остальные ученики тоже были интересными. Например, женатый отец двух детей плотник Сазер. Говорили, что мастер увидел его на базаре, подошел и убедил ходить на уроки. Плотник сначала отнекивался, но позже все же начал ходить, и на момент знакомства с Амели, числился в учениках уже три или четыре года. Еще одним учеником был мальчишка-подросток Керим. Его бросили на площади, проезжавшие мимо бродяги. Местный трактирщик подобрал младенца, и вырастил себе помощника. Керима мастер нашел в трактире. Схватил за гибкую смуглую руку, когда тот подавал ему ужин, и договорился с хозяином о занятиях. На Амели Керим сначала смотрел, как на пустое место и каждый раз морщил нос, когда девушка появлялась в классе, но потом он оценил ее знания и даже иногда стал обращаться за советом.

Еще два ученика жили прямо в доме мастера. Один высокий и молчаливый моряк по имени Игнис, неведомо как очутившийся в глубине континента. Он заплетал свои светлые волосы в тонкую косицу, а в свободное время плел сети, и ловил рыбу в узкой местной речушке. Что только про него не говорили в городке! То мастер Олди выкупил его в другой стране на невольничьем рынке, то моряк приполз к нему зимой, почти замерзший и погибающий, а мастер пожалел и оставил у себя, то Игнис отдает долг крови, то напротив, мастер ему должен. В общем на самом деле никто не знал, откуда моряк взялся и почему пытается смирить свои грубые пальцы и научиться держать перо или кисть.

Последним учеником был сын местного лекаря. За парня очень просил его отец, и мастер почему-то не отказал, хотя на сына мэра даже смотреть не стал. Вот в такой странной компании Амелия училась целый год.

А незадолго до ее возвращения к родителям на плотника напали, когда он возвращался домой из предместья. Его сильно избили какие-то бродяги, отобрали сумку и скинули побитого Сазера в канаву. Их быстро нашли – они ведь потащили дорогой плотницкий инструментов ближайший трактир, но после побоев молодой крепкий мужчина перестал ходить. Строить дома, быстро двигаться и тесать бревна он уже не мог, а его жена как раз родила третьего ребенка. Мастеру Олди сообщили. Он пришел в дом Сазера, оценил его бледное, похудевшее лицо, измученную жену, кричащих детей и стукнул по полу своей тростью:

– Я не затем учил тебя столько лет, чтобы ты сейчас лежал и складывал свою дурь на плечи своей жены! Вставай! До завтра сделаешь себе стул на колесиках и новую трость! А потом купишь вместо топора стамески, и займешься делом! Чтобы никто не сказал, что я зря потратил на тебя свое время!

Уходя, мастер все же сунул жене Сазера кошелек, но главное он сделала не деньгами, а словами. Ученик сделал себе стул с колесиками и трость. Купил резцы и стамески, вынул из сарая припасенные для строительства доски и… стал столяром! Рисовал и резал то, что успел увидеть в книгах мастера Олди. Легко изготавливал вывески, гербы, монограммы, рамы для зеркал и шкатулки для косметики и украшений.

Тогда Амелия не поняла, что учеба у мастера Олди спасла целую семью. А вот теперь, выводя букву за буквой на приглашения вдруг прозрела! Выходит, мастер брал учеников не просто так? Он что-то знал? Видел, кому пригодятся знания и умения? Вздохнув, девушка отложила очередной конверт:

– Сто! Мистер Марек, полагаю, на сегодня лучше закончить. Уже стемнело, не хотелось бы портить репутацию себе или тетушке.

– Да, мисси Фонтен, мы отлично потрудились! – утомленно зевнул Четвертинский младший. – Что ж, позвольте вас проводить!

– Одну минуту, я только соберу инструменты! – Амелия аккуратно собрала свои перья и ручки, завернула их в промокашку, потом во фланель и убрала в саквояж. Дома почистит. Вот так. Адрес виконта и графини теперь у нее есть. А дальше… время покажет. Вспомнит ли ее «Флай»?

Глава 6

Работа над приглашениями заняла полноценные три дня. Амели очень переживала – что скажет тетушка? Не успела родственница появится, как оставила детей в доме, а сама только завтракает, ужинает, моется и спит. Девушка очень просила младших вести себя хорошо, обещая, что после выполнения заказа снова поведет их в парк, и купит что-нибудь вкусное. Илана и Брис серьезно покивали головами, и ни на что не жаловались.

Единственная служанка тетушки подавала Амели утром чашку чая и булку с маслом или джемом, провожала к двери, и уже там вручала корзину и список покупок. Господин Четвертинский-младший встречал девушку у двери в своем экипаже, вез в типографию и до обеда они подписывали приглашения и конверты. Точнее Марек диктовал – она писала. Потом обедали, немного гуляли по холлу, беседовали, пока Амелия разминала кисти специальными колючими шариками из твердого ароматного дерева или согревала их нагретым камнем во фланелевом мешочке. Потом снова писали до самого вечера, и Четвертинский-младший отвозил Амелию к дому тетушки вместе с корзиной. В лавку бегал мальчишка-посыльный, работающий при типографии.

Когда Марек встретил мисс Фонтен у дома тетушки в первый раз, она залепетала что-то про приличия, но молодой человек усадил ее в коляску и строго сказал:

– Экипаж открытый, мисс, и меня хорошо знают в этом квартале. Я живу неподалеку. Право мне удобнее приезжать на службу вместе с вами, чем ждать, пока вы дойдете и волноваться, вдруг вас украли по дороге. Время дорого, как и репутация!

Амели все поняла и смирилась. Всего три дня она потерпит, а потом ей выплатят остаток вознаграждения, и скорее всего больше не позовут. Вернется из гхм…

болезненного состояния штатный каллиграф, сезон еще идет, но в начале лета столица опустеет. Кто-то уедет на воды, кто-то вернется в поместья – присматривать за сельскохозяйственными работами, а кто-то останется по делам службы, но не станет устраивать приемы, для которых нужны будут приглашения.

А значит работу ей нужно будет искать другую. Переписывание бумаг, изготовление образцов, прорисовка узоров для вышивки и раскрашивания – все годилось для заработка. Еще можно было попробовать вновь переписывать меню в каком-нибудь трактире. В столице много образованных людей, поэтому даже в обычных чайных висели нарядные карточки со списком блюд.

Как только у нее получится накопить на заверенные нотариусом копии бумаг, она рискнет отыскать виконта Флайверстоуна. Почему-то девушке казалось, что офицер, потерявший в «пограничной стычке» друга, не откажет в помощи его нечаянной вдове.

С такими мыслями Амелия подписала последний конверт, уложила его в коробку, и довольная распрямила спину:

– Все, господин Четвертинский!

– Слава Светлым! – простонал он, тоже выпрямляясь. – Так, сейчас проверю наличие по списку, потом упакуем все, и придется лично отвезти графине.

Амелия молчала. Она понимала, что маленькое предприятие Четвертинских приносит доход еще и потому, что владельцы сами вникают в каждую деталь и не чураются развезти заказы или вот сидеть три дня с новенькой сотрудницей, диктуя ей титулы и звания приглашенных.

– Вы пока собирайтесь, мисс, я вас отвезу! – между прочим сказал Марек, и продолжил шевелить губами, сверяя список со стопками конвертов.

Девушка не стала медлить – сходила умылась, поправила прическу, приколола шляпку, собрала инструменты. Определившись с работой, она перестала возить с собой весь саквояж – брала лишь небольшую сумку-мешок из потертого черного бархата, и теперь легко несла свою ношу в руках.

Призванный на помощь штатный носильщик составил в коляску коробки с приглашениями и корзинку с покупками для дома тетушки.

– Сначала завезем заказ, – предупредил мистер Четвертинский, – графиня ждет.

– Но ведь до приема еще две недели! – удивилась Амелия.

Она не разбиралась в светских тонкостях. Ее конечно учили в пансионе, но провинциальная школа делала упор на ведение хозяйства и расходных книг, а не на светских мероприятиях.

– Несколько дней графиня будет ставить свою подпись на приглашениях и рассылать их с курьером, – пояснил более опытный в таких делах Марек, – потом те, кто не смогут прийти, пришлют ответы. Для хозяйки приема важно, чтобы у нее вдруг не оказалось тринадцать человек за столом, или тринадцать столов в обеденном зале. Мне случалось даже подрабатывать «тринадцатым гостем», с легкой усмешкой признался он.

– «Тринадцатым гостем»? Как это? – удивилась Амелия, устало разглядывая аристократический квартал, в который они въехали со стороны черных лестниц и задних дворов.

– Так называют человека, который за плату занимает тринадцатое место на премьере или за столом, – с усталой улыбкой пояснил господин Четвертинский. – Некоторые светские люди очень суеверны, а студенты готовы провести скучный вечер за столом или на приеме, за небольшие деньги и еду!

– Удивительно! – отозвалась Амелия, припоминая, что им что-то такое объясняли на уроках по этикету, но ее больше интересовали виньетки с розами и крокусами в том самом учебнике.

Экипаж остановился на заднем дворе великолепного особняка. Девушка невольно залюбовалась и кусочком опрятного сада, и разумно устроенными дворовыми постройками. Владельцы дома весьма аккуратно и практично прикрыли все дополнительные пристройки ажурной решеткой, которую со временем заплел виноград – и польза и красота и никому не видны простецкие конюшни, амбары и каретные сараи.

Мистер Четвертинский сошел с подножки, сам подхватил одну из коробок и ушел в дом с черного хода. Амелия осталась ждать его в коляске, любуясь особняком. Вернулся Марек быстро. С ним был высокий лакей в ливрее померанцевого цвета с синим кантом. Вдвоем мужчины забрали все коробки и отнесли их в дом. Через некоторое время довольный Четвертинский вернулся и торжественно вручил Амелии двадцать пять монет:

– Ваш гонорар, мисс Фонтен! Графиня осталась очень довольна! Даже удивилась тонкости вашей работы.

– Мне приятно это слышать, – улыбнулась в ответ Амелия, думая о том, что в купленной ею газете не нашлось ни одного подходящего объявления. Сегодня уже поздно, но завтра она купит газету и снова будет искать работу…

– Графиня дала нам новый заказ. Ей очень понравились цветы нарцисса, которые вы вписали в виньетки.

– Это погребальный цветок в тех местах, откуда я родом, – закусила губу Амели.

– Теперь она просит виньетки с ландышами для ее особенного весеннего бала. Пятьсот приглашений. Вероятно, это будет помолвочный бал, – Марек смешно подвигал бровями и передразнил незнакомую девушке даму: «вы же понимаете, мистер, это секрет, но красивый секрет должен быть хорошо подготовлен»!

– Два бала подряд? – изумилась Амелия. Вот уж стоимость праздника на триста человек она могла себе представить хотя бы приблизительно!

– О, нет, бал ландышей леди Кларисса планирует на середину мая, так что у нас есть целых две недели на подготовку!

– Это снова разовый заказ? – подобралась Амелия, – или вы зачислите меня в штат?

Разница была существенной. Две недели уйдут на изготовление карточек и конвертов, различные производственные и закупочные хлопоты, а подписывать пятьсот кусочков картона и пятьсот конвертов придется за четыре-пять дней. А на что она и дети будут жить две недели?

– Я должен посоветоваться дядюшкой, – несколько неуверенно протянул Марек.

– Что ж, посоветуйтесь, мистер Четвертинский, – вежливо ответила Амелия, – а я пока поищу вакансии в городском архиве. Или в королевской библиотеке.

Племянника владельца типографии перекосило. Конечно, он не верил, что юную мисс прямо с улицы возьмут в столь серьезные учреждения, но… вдруг? Все когда-то случается впервые! Он и сам заметил девушку буквально на улице! Но дядюшка настойчиво просил девицу не обнадеживать. Их мастер уже вышел из запоя и готов к работе, а эти легкомысленные вертушки… Не успеет поработать и замуж выскочит! А им опять искать крепкого профессионала, готового и ночью задержаться, и днем мух на окне посчитать, если с заказами заминка.

– Этот заказ безусловно ваш, – решился наконец молодой Четвертинский, – мистер Шолто не любит выписывать цветы.

– Что ж, – не стала отказываться Амелия, – найдите меня, когда будут готовы карточки и конверты.

Больше они не разговаривали. Хмурый Четвертинский довез мисс Фонтен до дома тетушки и простился. Амелия постучала, вручила служанке тяжелую корзину с покупками и медленно двинулась наверх – прибрать инструменты, снять шляпку и перчатки, потом спустится в купальню, и наконец заглянуть на кухню и что-нибудь съесть. Эти три дня плотно занятые работой просто выпали из ее жизни.

Завтра она выспится, поговорит с младшими, действительно сходит в библиотеку и… напишет письмо виконту Флайверстоуну. Все же заявляться в дом аристократа лично без приглашения – дурной тон. Однако вечер очень быстро перестал быть томным. Дети сидели в комнате, и на лице Иланы явно были слезы, а Брис пыхтел, сжимая кулаки.

– Что случилось? – Амелия буквально увидела, как растворяются ее мечты об ужине, купании и постели.

Младшие отворачивались, прятали лица в ее юбку, потом не выдержали – эмоционально рассказали, что случилось. Удержать в доме двух практически подростков невозможно. Да тетушка Сибилла и не пыталась. Убедившись, что

племянники одеты подобающим образом, позавтракали и убрались в своей комнате, она отпустила их на улицу. А там… соседи. Которые наблюдали как три дня подряд гостью миссис Парис забирает поутру молодой щеголь и он же привозит вечером обратно. Выводы были сделаны моментально. И озвучены. Детям.

Амелия вздохнула, сдерживая рвущиеся с языка слова. Все же год жизни в провинциальном городке без родительского надзора очень сильно расширяет словарный запас юной мисс!

– Завтра мы с вами идем гулять, – мягко сказала она, – купим сладостей, заглянем в библиотеку. И вы мне осторожно покажете тех, кто плохо обо мне отзывался. А я придумаю, что с этим можно сделать. Заткнуть всем рот невозможно, однако всегда можно найти новые любопытные сплетни для болтунов. А теперь давайте умываться, ужинать и спать. Я очень устала.

– А сказка будет? – повеселел Брис.

– Обязательно будет! – обнадежила его Амелия, чувствуя, как защипало в носу.

Все же за год, прошедший со смерти родителей Илана и Брис привязались к ней сильнее чем прежде. Она их якорь в бурном море событий. А якорь должен быть надежным, даже если его шатает от усталости.

Глава 7

Утром Амели действительно позволила себе поспать чуть дольше обычного. Потом вместе с детьми спустилась к завтраку. Тетя Сибилла удивилась ее присутствию, но девушка спокойно объяснила:

– Для нового заказа нужно подготовить карточки и конверты, это займет несколько дней. У меня будет время поискать еще одну работу.

На такую речь тетушка кивнула благосклонно, а служанка на выходе из дома снова вручила Амелии корзинку и список, написанный аккуратным почерком

тетушки. На этот раз, никуда не торопясь, девушка изучила список внимательнее. Зачем нужно мыло с ароматом бергамота? Запах считался «мужским», а в доме из мужчин был только Брис. Мальчик спокойно мыл руки лавандовым мылом, которое Амелия привезла с собой из дома! Что еще? Сахар колотый… Вчера тоже был сахар. И позавчера! Чай, дорогой сорт с тем же самым бергамотом! Еще сухие копченые колбаски, сыр, масло, изюм, пряности, мед…

Все это походило на… посылку в пансион! Точнее в Академию. Тетушка собирает сыну гостинцы за ее счет? Было бы справедливо, но Амели посчитала стоимость всего и поняла, что за три дня спустила весь аванс, а сегодня спустит существенную часть зарплаты, а ведь им нужно продержаться на эти деньги минимум неделю, до следующей работы у Четвертинских! Да и будет ли потом еще одна?

В задумчивости Амелия дошла с детьми до парка, купила по дороге газету с объявлениями, пару леденцов и булочку. Пока дети бегали и лазили по снарядам, она читала объявления о работе для переписчицы или каллиграфа, но глаза упорно сползали на строчку «Сдам в наем комнату».

Подчеркнув несколько объявлений о работе, девушка побродила по аллеям, потом попросила одну из бонн присмотреть за детьми, за пару медяков, а сама постаралась быстро обойти адреса. Увы, нигде ее не обнадежили. Всем требовались мужчины – студенты или гимназисты, готовые быстро и не слишком аккуратно переписать большой объем бумаг за мелкие деньги и папиросы.

– Но я могу сделать эту работу! – горячилась Амели, – у меня диплом каллиграфа!

– Барышня, не занимайте время! – морщился старший писарь конторы. – У нас служат только мужчины! Здесь накурено, холодно и нет отдельных комнат, все сидят в одном зале! Вы будете стонать и жаловаться, пить чай по три часа в день, а в итоге вашу работу придется делать нам самим! Нет уж! Никаких юбок! Мы это уже проходили!

Расстроенная Амелия ушла несолоно хлебавши, забрала из парка детей и вернулась с ними к обеду, абсолютно позабыв про лавку и покупки. А в доме тетушки ее ждал неприятный сюрприз. Служанка открыла им двери и быстро вернулась на кухню, к шкворчащим сковородкам, дети устали, вели себя тихо,

поэтому в отведенную им комнату они вошли практически бесшумно. И уставились на тетку, сидящую над распахнутым сундуком! Рядом с теткой прямо на полу сидела темноволосая молодая женщина в визитном платье, и… рассматривала поношенный корсет Амели!

Тетка заметила вернувшихся родственников, а вот незнакомка сидела к двери спиной, и смотрела на скромное изделие провинциальной швеи:

– Сибилл, ты же не думаешь, что девчонка зашила деньги в корсет? – насмешливо говорила брюнетка в синем платье, – здесь такая потертая ткань, что видно каждую пластинку. Да и вообще вещички потертые. Нет, приданое твоей сестры наверняка где-то в другом месте! Может в банке?

– Тетя? – Амели встала в дверях, отправив младших в коридор, – что это значит?

Незнакомка повернулась, и девушка узнала в ней соседку – языкастую даму, живущую во второй половине дома. Обе женщины дружно открыли рот, явно собираясь закатить скандал, но Амелия их опередила:

– Амнос оптимус! – сказала она, сделав рукой направляющий жест.

В воздухе натянулась тончайшая пленка и в ней поплыло изображение открытого сундука, соседки с корсетом в руках, и тетки с открытым ртом. Мелли подошла к комоду, вынула лист бумаги и закрепила на нем изображение магического оттиска.

– Брис, – позвала она брата, – пригласи сюда полицмейстера. Думаю, ему будет интересно увидеть, как две почтенные дамы роются в багаже сирот. Кстати, теперь я знаю, куда подевалась мамина жемчужная брошка. Она ведь лежит в вашей шкатулке с украшениями, не так ли тетя?

Сибилла потупилась.

– Все наши вещи помечены, – спокойно сказала Амелия, собирая в саквояж те мелочи, что лежали на столике у кровати. – Вернете все сами, или звать полицию?

– Ты не посмеешь! – прошипела благонравная тетушка, вцепляясь девушке в руку.

– Еще как посмею! Три дня вашего гостеприимства обошлись нам слишком дорого! Брис, ты еще тут?

Со скандалом и воплями о разорении, тетка все же отдала украденные из сундука памятные вещички, пошвыряв их прямо с лестницы. Напоследок она решила окончательно испортить Амелии настроение ехидно заявив:

– Ну и куда ты пойдешь? Незамужней девице с детьми одна дорога – в бордель! Никто не пустит тебя на квартиру, уж я об этом позабочусь!

– Не переживайте так за нас, тетя, – кротко ответила Амелия, борясь с желанием засветить родственнице в лоб тяжелым свертком с мылом, чаем и сахаром, который она нашла на кухне и забрала. – Я благородная вдова, и даже перед законом имею право опекать сестру и брата. А вот вы… магический оттиск останется у меня. Стоит вам только пустить обо мне нехорошие слухи, или нашептать что-нибудь квартирной хозяйке, и ваше изображение появится в газете! С подробным рассказом о вашем родственном милосердии.

Тетка чопорно поджала губы, и ушла наверх, отвернувшись.

– Зря вы так, мисс! – сделала печальное лицо служанка, стоящая на пороге кухни, – наша госпожа очень настрадалась в молодости.

– Это не повод копаться в моем белье и красть память о наших родителях! – отрезала Амели.

Внутри у девушки все дрожало. Ей было страшно до вспотевших ладоней, до крика и слез, но… рядом были младшие, а солнце уже клонилось к закату. Следовало как можно быстрее отыскать ночлег. К счастью, газета с объявлениями никуда не делась, а извозчик согласился «покатать» их по городу вместе с багажом.

Глава 8

По первому адресу они опоздали – комната была уже сдана. Во второй дом Амелия даже не стала заходить – вонючая лужа у входа, пьяные крики, трещины в грязных стеклах заставили уехать как можно быстрее.

Третий вариант был чуть получше. Во всяком случае так показалось сначала. Бабуля-божий одуванчик сдавала комнату в квартире. Вокруг было довольно пыльно, углы заполняли какие-то корзины кувшины и тряпки, но в целом впечатление было терпимое. Девушка уже собиралась заглянуть в санузел, когда за ее спиной открылась дверь и в коридор вышел здоровенный детина в кальсонах и нижней рубахе. Он зевал во весь рот, и почесывал волосатую грудь через прореху.

– Что мамынька, жиличку нашли? – прогудел он, не прерывая своих интересных занятий, – симпатичная!

– Я передумала! – объявила Амелия пятясь к двери.

Запрыгнув в коляску, она возблагодарила Светлых за своевременное появление «сыночки» и усталым тоном попросила кучера:

– Еще один адрес. Если там не получится, нам бы гостиницу подешевле.

– Понял, барышня! – флегматичный возница шевельнул хлыстом, заставляя лошадь тронуться с места.

Солнце уже село, фонарщики выбрались на улицы и под заунывные песни начали наполнять и зажигать фонари. Амелия покачивалась в экипаже, крепко обнимая Илану и думала о том, что ночевать видимо придется в самом дешевом номере, а с утра снова бегать по адресам. И неизвестно, получится ли отыскать квартиру по карману. Что если все монеты уйдут на оплату жилья? Куда им податься?

Крепко сжав губы, Амелия осмотрела доходный дом, у которого остановилась коляска. Здание старое, но крепкое. Оштукатурено и покрашено два-три года назад. У входа горит тусклый фонарик, низкое крыльцо чистое, а рядом стоят простенькие вазоны с пробивающейся зеленью. Может тут найдется комната

для нее и детей?

С робкой надеждой девушка постучала, ожидая увидеть дворника с окладистой бородой или желчного консьержа в засаленном сюртуке, но дверь открыла округлая румяная женщина, пахнущая корицей:

– Заходи, милая, поторопила она, мне булочки надо вынуть! – и убежала в кухню.

Амелия замерла, разглядывая мелкие коричневые плитки на полу в прихожей. Через минуту женщина вернулась:

– Что вы хотели? – уже более официально спросила она.

– Я по объявлению, – тряхнула газетой Амели, – здесь написано, что у вас сдается комната.

– Да, сдается, – покивала женщина, – на втором этаже освободилась. Мисс Дюран третьего дня замуж вышла.

– Можно мне посмотреть?

– А идем, меня тетушкой Меттой кличут, – сказала не то консьержка, не то экономка, и прихватив из ящичка ключи, поманила Амелию за собой, на лестницу.

Здесь было хорошо! На подоконнике стояли цветы в простых горшках, на площадке не валялся мусор. Двери – одинаково покрашенные были снабжены табличками.

– Вот, восьмая квартира, – звякнула ключами тетушка Метта, – и распахнула узкую дверь.

Слабый свет с площадки упалв маленький квадратный коридор. Это одновременно прихожая с несколькими крючками на стене, умывальня – простенький рукомойник у другой стены, и кухня – большой стол и простая печурка у третьей стены. Свеча стоит на раковине. Метта щелкнула пальцами, огонек на фитиле заплясал, как живой. Да у нее есть магия!

– Да, да, – понимающе улыбается она, – способности крохотные, но я чувствую огонь, поэтому плита есть в каждой квартире. Пожара можно не боятся.

Амелия сдержанно кивнула, но уже поняла, что это огромный плюс. В тех квартирах, что она уже смотрела, кухня была одна, общая, и жильцам предлагалось платить хозяйской кухарке за готовку или покупать готовую еду в трактирах. Опасаясь пожаров, горожане контролировали печи, избегали каминов и часто экономили на топливе, едва-едва протапливая их. А тут была возможность готовить и греться!

Сразу за прихожей шла комната. Не слишком большая, зато с двуспальной кроватью. Тут был небольшой стол, комод и пара стульев. А еще гардеробный чулан! Да-да! Небольшой кусок комнаты был отгорожен дверью, и туда можно было убрать их сундук, и повесить теплые плащи. Или… поставить раскладушку для Бриса!

– Тетушка Метта, а раскладушка или кушетка у вас есть? – спросила Амелия, позабыв уточнить даже цену сдаваемого жилья.

– Есть, – удивилась женщина, а тебе зачем?

– У меня двое детей, – вздохнула Амелия, – большие уже. Мальчик и девочка.

– Ну пойдем вниз, посмотрим, что в чулане есть, – спокойно отозвалась женщина.

– Ой, у меня же там экипаж! – вспомнила девушка и покраснела: я забыла спросить, сколько вы берете за месяц…

– Двадцать монет беру за все, – спокойно сказала тетушка Метта, и добавила: – кушетку дам, колодец во дворе, дрова дворник принесет, сколько скажешь. Оплата по три медяка за вязанку. Если сама не справишься, воду он тоже принесет, но уж там с ним договаривайся.

– Мне подходит! – быстро выпалила Амелия, понимая, что нашла лучшее, что могла за такие деньги.

Она быстро сбежала вниз, расплатилась с извозчиком, завела сонных детей в дом, и подписала стандартный договор, приложив палец, смоченный чернилами. Этот старый прием позволял найти мага по отпечатку ауры, а не мага – по линиям на коже. После тетушка Метта вызвала из каморки под лестницей бородатого дворника в белом холщовом фартуке и тот занес в квартиру их сундук и саквояжи. Потом этот же крупный молчаливый мужчина притащил потертую кушетку, галошницу, вязанку дров и пару ведер воды. Получив взамен семь медных монеток, прогудел «доброй ночи» и ушел, оставив новых жильцов обживаться.

– Мелли, мы здесь надолго? – спросила Илана, разглядывая бледные бежевые обои, украшенные линялыми розочками.

– Очень надеюсь, – улыбнулась Амалия, – а теперь давайте перекусим и ляжем спать! Одеял и подушек у нас нет, но можно укрыться плащами. Завтра я буду искать работу и школы для вас. И если все получится – мы все купим!

Первая ночь на новом месте прошла странно. Утомленные дети быстро уснули, а вот Амелия долго смотрела сквозь тонкие занавески на огоньки фонарей за окном. В их родном доме ночью за окнами было темно, а здесь в городе многое зависело от района проживания.

Девушка лежала, съежившись под плащом, и думала о том, что ей нужно сделать. Для начала, конечно, найти работу. Месяц в этой комнате просто так не прожить – нужна посуда, одеяла, бытовые мелочи и еда. Пять монет, которые ей удалось сохранить от загребущих рук тетки совсем небольшая сумма. На все и сразу ее не хватит. Но можно уже завтра купить кастрюльку, крупу, и ложки. Каша – это вкусно и полезно, особенно если добавить к ней сыр или патоку. Дальше одежда и обувь. И школа! Обязательно школа!

На мыслях о том, что письмо виконту можно отправить и без копий бумаг, Амели уснула. Во сне к ней пришел полузабытый образ мужчины в мундире. Он молча смотрел на нее, сложив на груди руки, а она со смущением отводила взгляд от лица, постоянно натыкаясь на пятна крови, обугленные рукава и почерневшие от копоти аксельбанты. Пламя билось где-то у земли, вырываясь узкими полосами, и девушка не понимала, почему она видит того, кого уже нет на свете?

Проснувшись, Амелия не вставая прочитала молитву Светлым и решила непременно заглянуть в Храм. Нужно поблагодарить высшие силы за квартиру, попросить помощи в поиске работы, и поставить свечу за упокоение души воина Эммета-Жаккарда дю Боттэ.

Утренние хлопоты отвлекли Амелию от мысли о покойном супруге, но, когда она накормила детей завтраком, и вышла с ними на улицу, планируя поискать парк и школу, невдалеке раздался звон колокола.

– Пойдемте, поблагодарим Светлых за то, что привели нас сюда, – сказала Амели, находя взглядом невзрачный серый купол.

– Да уж лучше тут, – проворчал Брис, – чем у тетки в чулане.

– В чулане? – как можно нейтральнее уточнила девушка и заметила, как Илана толкнула брата кулаком в бок. – Я хочу об этом знать! – строгим тоном сказала она, останавливаясь и глядя на обоих.

– Тетка Сибилла, она требовала, чтобы мы не выходили из комнаты, – независимо дернул плечами младший, – а когда я спустился вниз к обеду, заявила, что я мешаю, и не слушаюсь, а непослушные мальчишки сидят в чулане! И заперла меня под лестницей!

Амели прикусила губу. Она не знала об этом. Работа поглощала все ее силы и внимание. Имеет ли смысл просить у брата прощения за тетушку? Он ведь понимает, что так поступать нельзя и…

– Значит нам действительно есть за что поблагодарить! – решительно сказала Амелия и повел детей к храму.

Внутри оказалось уютно, и почему-то пахло как в родной деревне – воском, дровами, соломой и чисто вымытым полом. Амелия бросила медячок в сокровищницу, и вручила Илане и Брису по сладкой булочке, пропитанной вишневым сиропом.

– Посидите, вспомните наших родителей, – негромко сказала она, указывая детям на низкую скамеечку в углу.

Сама же она утешаться поминальной трапезой не стала. Купила несколько свечей и двинулась от статуи к статуе, зажигая золотистые огоньки. Благодарность за благополучный приезд в город. За работу у Четвертинских. За раскрытие тайн и новое жилье. Просьба о будущей работе и помощи с бумагами…

Перейдя в другую часть храма, отделанную в более темных тонах, Амели вздохнула и поставила свечу в память о родителях. Вспомнила мягкие руки и пышные волосы матери, тонкие морщинки отца, смахнула набежавшие слезы и вспомнила свой сон:

– Примите Светлые душу Эммета-Жаккарда дю Боттэ… Воина, павшего на поле брани…

Свеча не загоралась. Упорная девушка оплавила ее почти на треть, когда огонек все же удержался. С легчайшим вздохом облегчения Амели поставила свечу на подсвечник и… столбик золотистого воска упал! Да прямо на пол! Ахнув, девушка склонилась, чтобы поднять, но из угла выкатилась сгорбленная старушка, замотанная в несколько платков и шалей, схватила погасшую свечу, смяла в кулаке и зашипела:

– Светлые тя покарают! Ишь, чо удумала, по живому помин править! – и так же быстро удалилась из поля зрения.

Глава 9

Ошеломленная Амелия вывела младших на улицу, огляделась, увидела сквер, окутанный зеленой дымкой клейких еще листочков, и повела детей туда. Пока Илана и Брис изучали дорожки, скамейки, клумбы и большую песочницу, девушка просматривала объявления о работе, но при этом неотступно думала о своем нечаянном муже.

Вообще граф дю Боттэ в ее памяти почти не сохранился. Она помнила руку на перевязи, ожог на лбу, пронзительные глаза, и голос, но все это через флер слабости, страха и желания выжить. Собственно, в столицу она поехала в

призрачной надежде получить хоть что-то за свой странный брак. А теперь в ее голову закралась мысль: а что она будет делать, если лорд Эммета-Жаккарда дю Боттэ жив?

Если вспомнить те крохи информации, что им давали в пансионе, получалось, что неравный брак с аристократом для простолюдинки грозил большими неприятностями. Самая скромная – расторжение «по техническим причинам». То есть будут найдены ошибки в оформлении бумаг, нарушение процедуры оглашения или допустим недостаточное число свидетелей. Примеры были, и каждая попытка простолюдинки вознестись без дозволения короля кончалась позором, бегством или… тайным договором, если уже родились дети.

Для Амели и графа дю Боттэ нарушение протокола было пустяком – военное время списывало многое. Как и старинная часовня, стоящая на границе. Прежде в ней нередко заключались браки без благословения родителей. Дочь священника еще помнила забрызганные грязью парочки, являвшиеся на порог их дома. Отец тогда помнится объяснял, что он не может провести церемонию в храме без оглашения, разрешения и прочих бумаг, а вот в часовне молодые могут совершить церемонию сами, призвав в свидетели Светлых и Стихии.

Так что церемонию между офицером и дочерью священника можно счесть законной, если бы… Да, если бы… От странных мыслей щеки Амелии покраснели. Где бы они консумировали брак? На камнях у часовни? Или в углу охотничьего домика, под храп других раненых? В общем их брак очень легко признать незаконным.

Однако… Церемония была проведена, и к ней прилагался брачный контракт. А контракт в современном мире куда больше, чем просто церемония. Она ведь внимательно изучила его перед подписанием. Там была указана ежегодная сумма «на булавки», причем Флай, друг ее супруга посоветовал ему вписать ее не деньгами, а… «сумма эквивалентная стоимости слитка золота фунт весом». Плюс содержание с указанием «не менее стоимости пяти фунтов», а также «гардероб, достойный графини». Все это писалось для того, чтобы позлить неведомую Клариссу, так что мужчины не стеснялись.

А потом граф погиб. Она даже не знает точно, когда. Но в контракте была прописана и вдовья часть! И возможность проживать в доме! А еще… она ведь тоже вписала в эту бумагу одну строчку. Там было указана оплата образования для брата и сестры. Имеет ли она право хоть на что-то? Как бы узнать? Нужен

юрист по брачному праву!

– Мелли, Мелли! – Брис дергал ее за рукав, – там мальчишки, в форме с язычком пламени!

Очнувшись, Амелия убрала газету в корзинку и пошла за братом. Если форма с изображением огня, возможно поблизости есть школа магов?

Мальчишки под присмотром мага-воспитателя действительно вышли в сквер из школы. Она располагалась прямо за сквером, была королевской и входила в целый блок зданий, условно называющихся здесь «королевский угол». Серый мрачный фасад, разделенный на три больших части был построен по приказу Ее Величества и прятал под собой школу магов, благотворительную больницу и швейную мастерскую, в которой шили форму для школьников, медработников и служащих королевских учреждений.

Амелия прочитала таблички-вывески, и закусила губу. Если не найдется работу по специальности, можно будет попробовать устроиться в ателье. А пока… она решительно толкнула дверь школы, и вошла внутрь вместе с детьми. Скучающий усатый швейцар проводил их к директору, на второй этаж, деликатно стукнул в обычную поцарапанную дверь и приоткрыв пробасил:

– Мэтр Хейфиц, к вам с детьми!

Изнутри что-то пробурчали, и дверь распахнулась, пропуская Амелию, Илану и Бриса в скромный кабинет, окруженный шкафами с бумагами.

– Добрый день, мэтр! – Амелия выполнила вежливый книксен, за ней повторила Илана, а Брис просто уставился на носки своих сапог, считая, что это сойдет за поклон.

– Доброго дня миссис! Что вы хотели?

– Мисс Фонтен, – вежливо поправила Амели, – я привела брата. Мы недавно переехали в столицу. У него есть способности магии, ему пора учится.

Мужчина за столом даже не удивился. Благотворительные магические школы принимали учащихся круглый год, чтобы не упускать будущих специалистов.

– Подойдите сюда, юноша! – сказал он, вынимая из шкафчика небольшой сундучок с крышкой.

Брис подошел, все еще разглядывая пол, но Амели не стала его одергивать – знала, что бесполезно.

– Положите сюда руку, и обратитесь к своему внутреннему источнику, – сказал директор, вынимая из шкатулки мутный шар на затейливой подставке.

Мотнув отросшей челкой, брат плюхнул ладонь на шар и с интересом наблюдал, как молочная муть сменяется ярким и чистым алым цветом. Заполняя шар на две трети.

– Хороший потенциал, молодой человек! – одобрительно сказал мэтр. – Итак, мисс, наша школа будет счастлива принять вашего брата! Прошу его бумаги. Я так понимаю, вам желательно оформить полное содержание от казны?

– Да, мы сироты. Родители погибли в пограничной стычке, – Амелия вынула бумаги.

– Вот как? – директор изучил их и вскинул брови: почему-же вы не подали бумаги на пенсию? Она положена вам до совершеннолетия мастера Бриса, и совершеннолетия или замужества мисс Иланы. Кстати, мисс не хотите проверить свой потенциал?

– У меня нет магии, – тихо сказала девочка.

– А вот давайте проверим, – улыбнулся мужчина, и подбодрил: – кладите руку на артефакт, кладите! Он не делает больно!

Илана посмотрела на шар, закусив губу, совсем, как Амелия, потом протянула ладонь и накрыла вновь помутневший артефакт. Он оставался мутным, и девочка, вздохнув уже хотела убрать руку, но вдруг в глубине шара начала разгораться маленькая розовая искорка. Она росла, росла, медленно-медленно и

постепенно заполнила весь объем сферы!

– Ох! – неожиданно выразил эмоции мэтр.

– Что это значит? – перепугалась Амелия.

– Очень редкий и необычный дар, – поспешил успокоить девушку мэтр Хейфиц, – просто он просыпается только тогда, когда гм, девушка становится постарше!

Амелия догадалась и ее щеки залил румянец.

– Так что это за дар?

– Гм, молодой человек, подождите с сестричкой в коридоре, – попросил директор, явно смущаясь.

Брис хмыкнул, но увел Илану в коридор.

– Это дар плодовитости, – шепотом сказал мэтр, – очень, очень ценный! Рядом с вашей сестрой животные будут приносить больше приплода, а люди рождать здоровых детей! И много!

Как человек, проживший изрядную часть жизни в деревне Амелия могла оценить такой дар, но также видела его неудобство и опасность для девочки.

– Мэтр, – заговорила она, – этот дар ведь нельзя диагностировать просто так? Без артефакта?

– Пока мисс не вышла замуж и не забеременела, нельзя, – подтвердил мужчина.

– Можно пока сохранить это в тайне? Я ведь правильно понимаю, пока дар не развит, им невозможно управлять?

– Так и есть, – одобрительно покивал мэтр, – но я вам скажу, мисс, что вашу сестру лучше оставить на обучении в нашей школе. Здесь все преподаватели и ученики маги, им аура мисс Иланы не повредит. А вот простые люди…

– Что-то серьезное? – вновь встревожилась Амелия.

– Я однажды давно видел деревню, в которой жила женщина с таким даром, – шепотом поделился директор, – так там даже почтенные матроны в летах рожали по двойне!

– Ой!

– Да-да, – покивал мэтр, – а на занятиях искра будет рассеиваться без вреда.

– Хорошо, я согласна записать в школу обоих.

Глава 10

Амелия и сама понимала, что вариантов у нее немного, но все равно чувствовала вину перед сестрой. Она слышала про «отложенные дары». Иногда магия не сразу проявлялась у ребенка или подростка, а медленно накапливалась, или созревала, такой термин использовался в учебниках. Случалось и стихийное обретение дара – в состоянии стресса или угрозы жизни. Обычно «отложенные» дары требовали особых условий для развития. Проживая на съемной квартире, высчитывая, сколько медяков она может потратить на крупу и масло, Амели не могла создать «благоприятную для развития дара обстановку». А ведь ей нужно еще и работать!

Директор похвалил юную опекуншу за правильное понимание ситуации, записал детей в школу, выдал расписание, бумагу на получение формы и письменных принадлежностей, жетон на вход, он же допуск в столовую и пару справок для Амелии.

– В соседнем кабинете сидит наш юрист. Он, конечно, еще молодой, практику проходит, но подскажет вам куда и как писать прошение на пенсию, поможет оформить бумаги и, может быть, решит необходимые вам вопросы.

– Благодарю! – Амелия бледно улыбнулась. Не верилось, что большая часть ее проблем решится так быстро и просто.

– Дети могут уже идти в классы, я вызову помощника, проводить их. И не волнуйтесь, к пяти часам они будут свободны!

Амелия вышла в коридор, коротко все объяснила Илане и Брису, посмотрела, как брат и сестра чинно идут за высоким пареньком в строгой синей форме, а потом зашла со всеми бумагами в соседнюю дверь.

Она думала, что все ей далось легко и просто? Да как бы не так! Она несколько раз переписывала прошение, потом заявление, потом дополнение и уточнение. Молодой юрист, утомленный скукой, добивался идеального содержания и формы. Когда они наконец закончили с бумагами, он упаковал все в огромный бумажный конверт, надписал адрес, шлепнул печать, и сообщил, что ответ из королевской канцелярии придет в школу в течении месяца. А пока, может быть, у мисс Фонтен есть вопросы?

Бросив взгляд на часы, девушка увидела, что до окончания занятий остался час и решилась:

– Мистер Регбер, скажите пожалуйста, может ли считаться законным брачный ритуал, проведенный в старинной часовне Света и Стихий…

Стараясь высказывать поменьше эмоций, Амелия обрисовала свое собственное бракосочетание.

– Брак законен, – кивнул юрист, – я вам даже больше скажу, он считается свершившимся, если новобрачные успели поцеловаться! На основании прецендента Ремарка… – его пальцы пробежали по книгам на полке и вытащили весьма потрепанный том. – Вот! Эта поправка к закону о браке была принята двести лет назад, и не отменена до сих пор. Прецедент случился на свадьбе дочери графа Ремарка и сына графа Довжака. Жених был застрелен кровным врагом, сразу после свадьбы. Сторона невесты потребовала объявления ее вдовой со всеми выплатами вдовьей части, ведь приданое было уже передано в казну Довжаков. А родня жениха уверяла, что брак не был свершен, и вдовья доля невесте не полагается, но и приданое девице, прилюдно целовавшейся с мужчиной не положено.

Амелия перевела дух, и сделала глоток воды из стакана, любезно предложенного юристом.

– И чем же закончился спор графов? – спросила она.

– Вмешался король и приказал считать девушку вдовой. Она получила вдовью часть, а через восемь месяцев после свадьбы родила сына. Так сложилось, что он стал единственным наследником графов Довжаков. Используя этот прецедент и королевский указ, если молодые успели прилюдно поцеловаться, брак считается свершенным.

– Спасибо вам, мистер Регбер, – выдохнула Амелия.

– Я очень удивлен, что вас заинтересовал такой нюанс в брачном законодательстве, – бросил на девушку внимательный взгляд вчерашний студент.

– Тому есть причина, – Амелия взяла себя в руки и с улыбкой рассказала про часовню и приезжающих порой влюбленных. А потом призналась: – до окончания занятий оставался еще час, и мне не хотелось просто сидеть в коридоре. Гораздо приятнее провести время в беседе с умным человеком.

Юрист рассмеялся:

– Право, вы меня удивили, мисс Фонтен! Мне тоже было очень приятно поболтать с вами!

После этих слов мистер Регбер проводил девушку до двери, и напомнил, что нужно как можно скорее зайти в ателье и заказать детям форму.

– Еще раз благодарю вас! – присела в книксене Амелия, и поспешила вниз, чтобы перехватить детей у выхода.

А у выхода ее ждал сюрприз! Толпа детей схлынула, оставив на крыльце Илану, Бриса и несколько преподавателей. Среди незнакомых Амелии мужчин и женщина стоял… тот самый «Флай», проводивший церемонию! Друг ее супруга! От неожиданного узнавания девушка задержалась на ступеньках лестницы, не

зная, стоит ли спускаться. Может подождать, пока виконт уйдет? Но Брис уже заметил ее, развернулся и привлекая всеобщее внимание крикнул:

– Амели! Мы тебя потеряли!

На его возглас обернулся и виконт. И чуть не упал, когда трость попыталась сбежать из его пальцев.

– Вы! – других слов у мужчины не нашлось.

Амелия тоже жадно смотрела на него. Мужчина изменился. Кожа стала смуглее, вокруг рта пролегли жесткие складки. На руках видны белые ниточки шрамов. И трость, это явно не украшение, она действительно нужна ему для опоры! И все же «Флай» был тончайшей ниточкой, связующей Амелию с прошлым. С голодной зимой, с взрытой ядрами землей и запахом пороха. С красивым молодым офицером, который первым сумел украсть поцелуй с губ мисс Фонтен прощаясь у покосившейся каменной стенки ее дома…

– Милорд, мисс, вы знакомы? – их гляделки прервал удивленный голос директора.

Они очнулись, словно вынырнули из того весеннего леса. Амелия присела в вежливом книксене:

– Милорд, простите, не узнала вас сразу!

– Миледи, – склонил голову Флайверстоун и Амели зажмурилась, понимая, что он сейчас скажет: – простите, увидел вас и сразу вспомнил Жака…

Директор переводил непонимающий взгляд с инспектора, на опекуншу новых подопечных.

– Простите, мисс Фонтен…

– Графиня дю Боттэ, – отрезал виконт.

Мэтр подавился воздухом.

– Я не пользуюсь именем супруга, – качнула головой Амели.

– Но почему? – поразился Флайверстоун, – я же помню контракт!

– Мы совсем недавно смогли приехать в столицу, – попыталась объяснить ему девушка, – я… не успела получить заверенные копии бумаг, чтобы обратиться в королевскую канцелярию за пенсией.

– Какая пенсия? – спросил виконт таким тоном, что от него отшатнулись все любопытные. – Вы вдовствующая графиня дю Боттэ! С полным правом наследования всего! Жак прописал передачу титула исключительно вашему сыну! Право старшего в роду!

– Виконт, – Амели закусила губу и обвела взглядом крыльцо школы.

– Простите, графиня! Я бестактен! – тут же повинился он, – прошу вас, давайте заглянем в кофейню и поговорим!

– Мне нужно отвести детей в ателье, – вздохнула девушка, – да и у вас, наверное, есть дела…

– Мы закончили! – замахал руками директор, – милорд инспектор уже осмотрел классы и кухню, взял список необходимого и вообще остался доволен нашей школой!

– Так и есть, – лицо Флайверстоуна смягчилось. – Мэтр, вы не могли бы выделить даму, которая отведет детей за формой? А мы с графиней пока посидим в кафе, в память о моем друге.

Траурный наряд Амелии и траурные повязки на рукаве и шляпе виконта отметили все любопытные. Директор не стал противится инспектору – взял у Амелии бумагу на форму и вручил ее одной из дам в синем форменном платье:

– Миссис Филлипс, прошу вас, отведите детей к швеям.

– Мы подождем вас в кафе, – Амелия пригладила вихры Бриса, – я куплю вам по мороженому.

Все, еще настороженно косясь на виконта, младшие ушли с преподавательницей, после чего Флайверстоун предложил девушке руку, и они медленно двинулись к ярким «маркизам» недавно открывшейся кондитерской.

– Простите, что интересуюсь, – немного нервно заговорила Амели, как только они удалились от крыльца школы магов, – как вы оказались здесь? Я прочитала в газете, что вы вернулись из Пограничья с ранением, и теперь ведете уединенную жизнь!

– Я теперь являюсь королевским инспектором над магическими школами, – ответил виконт, рассматривая тротуар.

– Я… рада нашей встрече, – так же потупилась Амелия. – После церемонии я не встречала графа, и даже не знаю, как и где он погиб.

– Жак закрыл нас, – скрипнул зубами Флай. – Через неделю после вашей свадьбы мы зашли слишком глубоко на их территорию. Принц приказал изучить ближайшее селение. Увы, мы были неосторожны, увлеклись, и гангуты окружили нас. Они сильные маги, но какие-то другие. Неплохо уничтожаются огнестрельным оружием, но лучше всего – магией. Когда стало понятно, что у нас много раненых и уйти без потерь не получится, Жак велел мне уходить, – голос виконта сбился. – Он ведь был самым сильным магом, и старшим по званию. Приказал уходить, замкнул огненное кольцо и начал подманивать их вторую ипостась.

– Вторую ипостась? – Амелия сбилась с шага.

Она видела людей в черных мундирах, заполонивших их поселок. Видела самых обычных коней, вывозящих провиант и какие-то ценности из фермерских домов, но даже не подозревала о магической составляющей нападающих.

– Они могут обращаться в некое подобие псов, ходящих на двух ногах, – поморщившись объяснил Флайверстоун, – с когтями, клыками, крыльями и быстрой регенерацией. Можно убить обычным оружием, но надо непременно разрывать на куски. А лучше шарахнуть огнем. Они не любят нашу магию,

реагируют на магов, как собаки на кошек.

– Значит поэтому в армию набирают всех свободных магов, даже со слабым даром? – припомнила Амелия. – А у графа был сильный дар?

– Очень, и как раз огненный, – с горечью сказал виконт. Поэтому он и сумел их задержать, пока мы убегали. Ногу мне раздробило картечью, я уже плохо соображал, меня, по сути, несли на себе солдаты, но я запомнил место. Через несколько дней, когда получилось вернуться на то же самое место, мы нашли только выжженный круг, на месте той битвы.

Амелия судорожно вздохнула и задала глупый вопрос:

– Разве граф дю Боттэ не ценный заложник? Его не могли взять в плен?

– Обмен заложниками велся почти полгода, – печально хмыкнул виконт. – Я не сразу вернулся в столицу, едва поправился, объехал все полевые лазареты, несколько раз съездил на переговоры в составе делегации. Ничего.

Девушка вспомнила свою попытку поставить поминальную свечу и промолчала. Ей очень хотелось все выложить виконту. Она так давно не имела возможности просто поговорить с кем-то обо всем случившимся, без уверток и тайн, но… Большой город быстро приучает к осторожности.

– Мы выжили благодаря вам, – сказала она, стараясь говорить мягко, – потом прислали нового священника, нам стало тесно в доме, а у брата проснулась магия, и я решила ехать в столицу. Путь был долгим, с работой пока все сложно, а Брису нужно учиться, вот я и обратилась в королевскую школу.

– Неплохой выбор, – бледно улыбнулся виконт, открывая перед ней дверь в кондитерскую.

У Амелии даже голова закружилась от сладких запахов ванили, корицы, гвоздики и апельсинов, которые хлынули на нее, в уютном просторном помещении. Они выбрали столик у окна, чтобы видеть двери ателье.

– Графиня, – виконт не унимался и называл ее только так, – почему вы не явились в столицу сразу?

– Виконт, – приняла его правила игры Амелия, – после смерти родителей у нас не осталось источников дохода. Чтобы оплатить дилижанс и гостиницу, мне пришлось продать последние фамильные ценности.

– Светлые боги! Вы добирались дилижансом? Восхищаюсь вашим мужеством!

Тут их разговор прервала уютная пышечка в коричневом платье с белым передником:

– Угодно ли вам сделать заказ? – обратилась она к виконту.

– Чайник чая с ромашкой, и пирожные, – чуть не отмахнулся от официантки Флайверстоун, – у вас есть «дамские крошки»?

– Да, милорд! – понимающе кивнула пышечка.

– Несите! И скоро к нам присоединяться юная мисс и молодой человек, для них пусть приготовят мороженое и воду с сиропом.

Девушка ушла, а виконт поспешил вернуться к беседе с Амелией:

– Я правильно понимаю, леди дю Боттэ, что вы не заявили о своих правах?

– Нет, милорд. Я планировала предъявить бумаги стряпчим, но у меня сейчас… недостаточно средств.

– А знаете, Жак часто вас вспоминал, – вдруг невпопад сказал Флайверстоун, мельком бросив взгляд на официантку, принесшую чайный поднос.

Амелия потупилась. Ей было приятно узнать, что ее запомнили. А еще ей было любопытно что же из себя представляет тот таинственный десерт, который заказал виконт. «Дамскими крошками» оказались миниатюрные копии всех пирожных, которые подавались в заведении. Совсем-совсем крошечные, на один укус. Их подали на двух больших плоских тарелках, и девушка не смогла

отказать себе в удовольствии попробовать парочку. Нежный крем, тонкое хрустящее тесто и джем! Такой изысканной сладости она себе не позволяла уже очень давно!

– И я понимаю его, – виконт даже не прикоснулся к своему чаю, просто смотрел на Амели, и его глаза заволакивала дымка воспоминаний.

– Я была бы рада узнать, что граф жив, – призналась девушка, – но, если вы уверены в его смерти… Могу я просить вас о помощи? Директор школы сказал, что мне полагается пенсия. Я не посмею обратиться к родственникам графа. Как я поняла, сейчас титул перешел дядюшке и его дочери? Но может быть Корона не откажет мне, как вдове?

Флайверстоун словно очнулся. Нахмурился и спросил:

– Вы знаете про Кларису?

– Вы же сами мне объясняли, почему граф спешит женится на ком угодно, – пожала плечами Амелия, – а два дня назад я подписывала приглашения от имени графини дю Боттэ, на памятный вечер, посвященный погибшим в той «пограничной стычке». Ваше имя было среди приглашенных.

– Вот как, – мужчина потер лоб, – я не слежу за светской жизнью, приглашениями занимается маменька, но если Клариса дошла до такого цинизма… Мы должны устроить ей сюрприз! Вы помните, когда будет этот вечер?

– Да, конечно, через двенадцать дней… – немного растеряно ответила Амелия.

– А бумаги у вас сохранились? Брачный договор?

– Да! – девушка невольно прижала руками сумку. Она не расставалась со свитками ни на минуту.

– Отлично! Тогда сейчас пейте чай, а я отправлю записки, и мы кое-что с вами сделаем!

Глава 11

К тому моменту, как в кондитерскую привели притихших детей, виконт исписал несколько листов бумаги, купил у подавальщицы почтовые амулеты – небольшие квадратики бумаги с нанесенной руной и влитой магией, после чего отправил записки, и наконец обратил внимание на поднос со сладостями. Его немного потряхивало, так что Амелия сама налила ему чай, придвинула блюдо с пирожными и наконец встревоженно спросила:

– Простите меня, милорд, но вы еще не оправились от ранения?

– Ранение тут не причем, – отмахнулся виконт, – конечно раздробленные кости и рубцы от картечи меня не красят, но для мужчины это не беда. Просто амулет регенерации, который лекари примотали к моей ноге оттягивает мой резерв, и даже телепосыльные чары я применяю с большим трудом.

– Вам нужно просто выпить горячего или съесть сладкого, – понимающе кивнула девушка, и чтобы не смущать мужчину пристальным вниманием к его аппетиту вспомнила историю со времени обучения: – мы однажды с подругами увлеклись переносом картинок в альбомы, и не заметили, как опустошили резервы. Упали, где сидели и лежим! Классная дама зашла, испугалась, побежала за лекарем. К счастью нашего строгого доктора, не было в тот день, а дежурная сестра увидела книги с картинками и альбомы, догадалась обо всем и велела принести чаю с медом и напоить нас с ложечек, по капле. Встать мы смогли, но дня два нас потом шатало, пока резервы не восстановились.

Виконт благодарно улыбнулся и спросил:

– Я вижу, что у вас есть способности к магии, но какие, так и не разобрался…

– Очень слабые, – отмахнулась Амелия, – но полезные для переписывания книг и бумаг. Я могу сделать магокопию изображения, или подчистить неправильный текст. Еще умею вложить магию в готовые картинки, чтобы они становились объемными, но это требует много сил, так что получается не часто.

– Интересные умения, – виконт выглядел задумчивым, – и вы сказали, что у вас была классная дама…

– Да, мама была родом из семьи де Фийяр. Пока дедушка был жив, он поддерживал нас. Поэтому оплатил пансион для меня. Я успешно его закончила, и еще год училась у каллиграфа, а потом дедушки не стало, так что Илана в пансион не поехала.

– Де Фийяр, знакомая фамилия, – виконт нахмурил красивые темные брови, пытаясь вспомнить.

– Мама рассказывала нам о родственниках, – пожала плечами Амели, – но мы никогда не были у них в гостях. Дедушка приезжал несколько раз, когда родились младшие, и все. Это не так и важно. Мамина сестра стала женой офицера, мы останавливались у нее, когда приехали в столицу.

– А сейчас вы где живете?

– Снимаем квартиру в доходном доме, – уклончиво ответила Амелия.

Ей не хотелось выглядеть попрошайкой. Довольно того, что ее платье, плащ и шляпка выглядят в этом заведении очень поношенными на фоне аккуратных стен.

Виконт, кажется, все понял, и вопросов задавать не стал, попросил лишь записать для него адрес дома, чтобы иметь возможность посылать записки.

– Я уже написал своему поверенному, на счет бумаг, думаю он подскажет, что и как нужно сделать, чтобы подтвердить ваши права. Возможно что-то придется делать быстро.

Амелия и не спорила – взяла лист бумаги и четким полууставом записала адрес и подписала «мисс Фонтен». Флайверстоун взглянул, поморщился и сам исправил на «графиня дю Боттэ». После этого девушка сердито уставилась на виконта, а он так же сердито на нее! Поиграв в гляделки, они невесело рассмеялись.

– Простите меня, Амелия, – шутливо склонил голову мужчина, – но я не хочу терять хотя бы такую иллюзорную связь со своим другом.

– Простите и вы меня, – вздохнула Амели, – но я не чувствую себя графиней. Слишком внезапным оказался наш брак, мимолетным и иллюзорным. О нем никто не знает, кроме вас и меня.

– Я постараюсь показать вам, что значит быть графиней дю Боттэ, – пообещал виконт.

Амелия услышала в этом обещании слишком много, и уже стала чувствовать себя неловко. Слишком много времени она провела с этим мужчиной, пусть и в публичном месте. На ее счастье, преподавательница в форменном плаще с язычком пламени на груди привела в кондитерскую Илану и Бриса. Дети сразу заполнили неловкое молчание рассказом о примерке. Служащая школы магии вручила Амелии лист бумаги с размерами и сроками пошива, напомнила, что обувь нужно заказать в королевской мастерской, вот по этому адресу, а писчие принадлежности и учебники выдадут в школе. Нужно только сумки купить и не забыть все получить уже завтра.

От души поблагодарив преподавательницу за помощь, Амелия попросила подавальщицу упаковать для дамы несколько пирожных, в благодарность. Пусть сладости дороги, она не могла принять любезность просто так. Впрочем, виконт на это смотрел благосклонно, все же инспектор, и в делах школы понимает? Или нет?

Через несколько минут чопорная дама в синем плаще ушла, дети получили обещанное мороженое и затихли, то и дело поглядывая на аристократа. Он же смотрел на них одновременно строго и внимательно. Амелия изредка пригубливала чай, давая детям возможность полакомиться, но при этом пыталась разобраться в собственных чувствах. Вот еще утром она четко знала, что ей делать, куда идти, а сейчас возникло ощущение, что ее внезапно подхватил какой-то дикий вихрь, очень похожий на тот, который привел ее к старинной часовне. И несет ее как палый лист, не давая зацепиться за привычное.

Пока девушка размышляла, на стол перед Флайверстоуном упало несколько ответных записок. Он открыл их прочитал, задумчиво улыбнулся и сказал:

– Моя матушка приглашает вас, леди дю Боттэ на чашку чая. Завтра, около половины пятого.

– Занятия заканчиваются в пять, – с легчайшим вздохом сказала Амелия. Она помнила, что «приличное время визитов» начиналось с трех часов дня. Но чем ближе были гости, тем позже им разрешалось приехать. Самых близких приглашали поужинать. Приглашение на половину пятого от виконтессы может означать серьезный аванс доверия, выданный никому неизвестной мисс по просьбе сына.

– Я заеду за вами в двенадцать, – тоном, не терпящим возражений, сказал Флайверстоун. – В час нас ждет мой поверенный. Визитное платье будет уместно и в это время. А дети подождут вас в школе. Там есть игровая комната для тех, у кого родители работают во вторую смену. Обещаю, потом я отвезу вас домой всех!

Амелия потупилась. У нее не нашлось сил сказать мужчине, что кроме того платья, в котором она пришла записывать детей в школу, у нее есть лишь простенькая юбка с парой блузок, да домашний капот, изрядно поизносившийся во время ночевок в трактирах.

– Мисс, мастер? – виконт взглянул на детей, – если вы уже закончили, я готов проводить вас до дома.

Дети тотчас вскочили. Виконт оставил на столике пару золотых, и не слушая возражений помог Амелии надеть плащ:

– Мой экипаж уже у дверей.

Возразить никто не посмел.

Флайверстоун помог Амелии и детям сесть в экипаж, велел кучеру немного опустить кожаный верх, чтобы укрыться от мелкого ледяного дождя, который поднялся пока они пили чай, и назвал адрес. Когда кучер натянул поводья перед домом, виконт внимательно оглядел его, и видимо все же счел достаточно приличным для молодой вдовы с детьми.

– Всего доброго, леди дю Боттэ, – он галантно поцеловал воздух над перчаткой Амелии, – завтра к полудню буду у вас!

Амели присела в книксене, и повела детей домой. Сытые и довольные они уже на лестнице принялись рассказывать ей о школе, о классах и магии, но у нее не осталось сил слушать болтовню, а значит, болтунов следовало немедля занять делом. Так всегда поступала ее матушка, если в доме становилось слишком шумно.

– Илана, Брис, – обратилась она к младшим, останавливаясь, – вам нужны сумки для учебников, а еще у нас нет кастрюли, чайника и даже тарелок! Предлагаю сейчас лечь спать, чтобы завтра перед школой зайти в лавочку. Но сначала обязательно помыться, и протопить печь!

Дети в общем не возражали. Подойдя к конторке консьержки, мисс Фонтен попросила милейшую тетушку Метту прислать дворника с водой и дровами. Таскать ведра самой у нее не было сил.

– Сейчас пришлю, – закивала старушка. Она явно услышала про школу и ей это понравилось.

Через час в квартирке полыхала печь, согревая воздух и два ведра воды. Еще два ведра стояли рядом. Большой таз прежде висел на стене уборной, а теперь ждал своего часа на табуретке. Когда вода нагрелась, Амелия помогла вымыться Илане, тщательно промывая ее длинные светлые волосы, потом вручила мочалку и мыло смущенному Брису:

– Хорошенько вымой уши и шею! – напомнила она, задергивая тонкие занавески, отделяющие кухню-прихожую от комнаты.

Брис активно плескался, выдувал мыльные пузыри, и гремел ковшиком, но управился с мытьем довольно быстро. Проверив уши и шею, Амелия велела ему идти в кладовку, сушиться, выплеснула грязную воду, и вымылась сама.

После купания, накинув потертую, но чистую сорочку и капот, мисс Фонтен занялась насущными делами: из остатков горячей воды, перелитой в миску, она сотворила мыльный раствор, а в миску с холодной водой добавила крахмал. Воротнички и галстучки следовало аккуратно выстирать, высушить у теплой

печи, затем вымочить в крахмальном растворе, и снова просушить на старенькой наволочке, в которую они сложили белье вместо мешка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sobolyanskaya_elizaveta/nechayannaya-nevesta

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити